

Тубурская игра

Автор:

Макс Фрай

Тубурская игра

Макс Фрай

Хроники Ехо #8

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом еще неосуществленных возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило.

В восьмой книге цикла «Хроники Ехо» сэр Нумминорих Кута расскажет о тубурских Мастерах Снов, изамонских обычаях, Темной Стороне, Вечном Сне и других чудесах Мира. А заодно о том, как он нечаянно изменил Мир – раз и навсегда.

Книга публикуется в авторской редакции.

Макс Фрай

Тубурская игра

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Вечером Триша выходит на заднее крыльцо «Кофейной гущи», чтобы проверить, как дела у маленьких упрямых растений с прозрачными листьями, вдруг пробившихся сквозь трещины в ступенях и недавно начавших цвести. Из глубины сада, скорее всего от качелей, доносятся знакомые голоса.

– И чем ты намерен заняться потом?

– Никакого «потом» не бывает, ты же знаешь. Одно бесконечное «сейчас», настоящее время. Самое настоящее. Подлинное. Я проверял. На зуб.

– Могу вообразить, как оно при этом хрустело, – смеется Шурф Лонли-Локли.

А ведь каким серьезным казался поначалу. Всех провел.

Проходит ночь, а за ней – почти целый день, и Макс стоит на пороге «Кофейной гущи», нетерпеливо притоптывая ногой, как норовистый конь, которого раззадорили приготовлениями к прогулке, но так и не вывели из конюшни. Вокруг его головы сияет ореол предвечернего солнца, которое он так удачно заслонил.

– Не в моих правилах спрашивать, куда ты собрался, – говорит Франк. – Но всего за десять минут до обеда, когда мой огненный суп уже булькает на плите и пахнет на весь квартал?! Это на тебя совсем не похоже.

Триша ничего не говорит. Она мешает заправку для супа, томящуюся на медленном огне. Деревянная ложка должна совершить ровно семьдесят два оборота по часовой стрелке; сбиться со счета никак нельзя, тогда заправка

будет испорчена, а запоздавший сегодня обед, соответственно, отложен еще на четверть часа. Поэтому Трише не до разговоров. Сейчас она может только слушать, да и то вполуха.

Слушает, конечно.

– Мое дело как раз на десять минут, не больше. У Старого Сайруса погас фонарь над входом, – скороговоркой объясняет Макс. – Как ответственный демиург, я сгораю от стыда, скорблю о несовершенстве миропорядка и считаю своим долгом лично исправить технический недочет. А как добрый сосед и здравомыслящий человек, думаю, что старику не следует самому лезть на стремянку. У этой его лестницы такой злокозненный вид, что я готов спорить, она попытается уронить всякого, кто на нее заберется.

– И ты решил упасть со стремянки вместо Сайруса?

– Не стоит преувеличивать мою жертвенность. Штука в том, что я могу заменить лампочку вообще без стремянки. Я довольно длинный.

– Ладно. Тогда у тебя есть шанс успеть к обеду. Если, конечно, не полезешь чинить крышу тетушке Уши Ёши и красить забор вокруг огорода Мирки – как ответственный демиург.

– Я все же не настолько ответственный, – смеется Макс. – Думаю, лампочка станет моим первым и последним рукотворным вкладом в здешнее мироустройство. Все-таки видеть сны, а потом по рассеянности путать их с явью у меня получается куда лучше, чем хозяйничать.

И он пулей вылетает на улицу.

– А кто такой этот Старый Сайрус? – спрашивает Триша, завершив последний, самый медленный оборот деревянной ложки и убрав огонь. – Что-то не припомню такого.

– Я тоже, – кивает Франк. – Хотя вроде знаком со всеми соседями. Подозреваю, старик специально возник из небытия только потому, что Максусу приспичило немедленно вкрутить лампочку, а подходящих жертв поблизости не оказалось.

Ничего, скоро угомонится.

– В каком смысле – угомонится?

Так испугалась почему-то, что даже ложку на пол уронила.

– В самом что ни на есть распрекрасном, – улыбается Франк. – Просто поймет наконец, что его дело сделано, и займется чем-нибудь другим.

«Это как? Какое дело? В каком смысле сделано? И что теперь будет?» – хочет спросить Триша. Но вместо этого она просто поднимает ложку и идет ее мыть.

Триша вовсе не уверена, что ей действительно хочется услышать ответ.

Не сегодня.

Поэтому Триша ни о чем не спрашивает. Триша только слушает.

В сумерках, когда огненный суп благополучно съеден, послеобеденный кофе выпит, вечерние пироги отправлены в печь, Макс снова куда-то убежал, а Франк удобно устроился за стойкой в ожидании первых желающих поужинать, можно выйти в сад, покачаться на качелях, которые в кои-то веки не заняты очередным любителем поболтаться между небом и землей.

Триша до сих пор не может решить, нравятся ли ей качели. С одной стороны, кататься на них приятно, а с другой – слишком ненадежная конструкция. Теоретически сколочены они на совесть и привязаны крепко, и дерево – толще не бывает, но знание этих обстоятельств мало помогает, когда ноги отрываются от земли и весь мир начинает качаться – сперва чуть-чуть, почти неощутимо, но постепенно набирает скорость, и в какой-то момент кажется, что он не остановится никогда. Хотя практика показывает, что рано или поздно все снова приходит в порядок. То есть до сих пор всегда так было, а как будет в следующий раз, неведомо.

Самое важное, что следует знать о качелях: остановить их сразу невозможно, как ни старайся. Любые усилия дадут обратный результат, даже незаметное глазу напряжение заставит реальность кружиться еще быстрее; чтобы прекратить это немедленно, можно только спрыгнуть – с риском расквасить колени, локти и хорошо если не нос. Даже при Тришиной ловкости шансов уцелеть немного. Но если расслабиться, замереть, сказать качелям: «Черт с вами, делайте что хотите», движение понемногу замедлится, небо перестанет кружиться, а земля вернется под ноги, как будто и не было лихой пляски, от которой сладкая тьма в голове и искры из глаз.

Вот ради этого блаженного мгновения Триша садится на качели при всяком удобном случае, снова и снова, как будто не она вчера ругала себя распоследними словами: «И зачем тебя сюда понесло?»

Ясно же зачем.

За полным покоем, который непременно наступает в финале.

Но на этот раз Триша даже оттолкнуться от земли не успела. Услышала поблизости голоса, обернулась и замерла – не то от удивления, не то от красоты открывшегося ей зрелища: Макс стоит на садовой лужайке, по колена в густой траве, целиком окутанный прозрачным, синим как сумерки облаком, которое не просто дрожит на ветру и переливается в лунном свете, как положено облакам, но и смеется, торжествующе и неудержимо, словно только что победило в дурацком споре и одновременно умирает от щекотки.

– Всю жизнь подозревал, что я очень смешной, – говорит Макс. – Но неужели настолько?

– Настолько, настолько, можешь мне поверить, – сквозь смех говорит облако.

Голос у него низкий, но скорее женский, с такой теплой бархатной хрипотцой, что у Триши замирает сердце. «Какое это, наверное, счастье – дружить с говорящими облаками, которые иногда приходят к тебе поболтать», – думает она.

Облако больше не смеется, теперь оно просто говорит – спокойно, рассудительно. И Триша слушает, затаив дыхание. Даже не потому, что интересней чужих секретов могут быть только чужие тайны. А просто ради этого голоса.

– Всегда знала, что ты – наваждение, такое же, как я, – говорит облако. – Ну, то есть понятно, не в точности такое же. Но – тоже наваждение. Так забавно было наблюдать, как ты стараешься казаться обыкновенным человеком. Самым обыкновенным из ряда вон выходящим гениальным, великим, прекрасным, убийственно обаятельным человеком – примерно такова была твоя роль. И ведь не только самого себя, а еще кучу народа провел. Молодец, что тут скажешь. А я порой по дюжине раз на дню прикусывала язык, чтобы не проговориться. Теперь можешь оценить мое чувство такта.

– Могла бы и проговориться, – вздыхает Макс. – Некоторые вещи о себе лучше узнавать загодя.

– В ту пору ты сказал бы: «Некоторые вещи о себе лучше не знать вовсе». И был бы по-своему прав. Всему свое время. Это сейчас ты понемногу начинаешь догадываться, как весело и азартно можно продолжать играть в человека, зная всю правду о себе. Но сколько небосводов обрушилось на твою макушку и сколько земель ушло из-под ног прежде, чем ты это понял?

– Семнадцать миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят четыре, – докладывает Макс. И серьезно добавляет: – Я их считал, как некоторые считают овец, чтобы избавиться от бессонницы.

– Старый добрый сэра Макс, – смеется облако.

– Говорят, меня легче убить, чем переделать. Притом что убить, как постепенно выясняется, практически невозможно. Вот и прикинь... Но слушай, как же все-таки хорошо, что ты пришла! А почему только сейчас? Я тебя тут искал. С первого дня.

– Прости. Просто ты обрушился на Город совершенно внезапно, как штормовой юго-западный ветер со стороны Лейна, а я не сижу тут безвылазно, – объясняет облако. – Это я только в человеческой шкуре была домоседкой. А теперь, по твоей милости, хоть вовсе сбегай! Что ты натворил, сэра Макс? Как тебе не

стыдно? Все уже такое почти настоящее, что еще немного, и местное население начнет шарахаться от меня, как положено нормальным живым людям.

- Ну уж нет. Местное население было, есть и останется самым бесстрашным и призраколюбивым во Вселенной. Это я твердо обещаю. Иначе какой в нем вообще смысл?.. А тебе правда не нравится, что Город оживает? Или ты надо мной смеешься?

- Конечно, смеюсь. Я столько времени была лишена этого удовольствия, что нынче готова ухватиться за любой предлог, лишь бы наверстать упущенное. На самом деле мне нравится все, что тут происходит. Да настолько, что я сочинила Городу имя. От тебя-то не дождешься. Будь твоя воля, все на свете остались бы безымянными навек, лишь бы тебе не пришлось зубрить, кто как называется.

- Прекращай меня оклеветы... оклеветывать... нет - оклеветовывать! А что за имя? Мне-то скажешь?

- Обойдешься. Я Городу шепнула, и достаточно. Пусть сам решает, говорить ли тебе и всем остальным. И если да, то когда именно. И в какой форме. Он честно заслужил такой подарок. Если бы я была твоим сном, мне бы ужасно хотелось иметь от тебя секреты. Ну хоть один, если больше нельзя. Но тогда уж важный. Чтобы ты ночей не спал, мучаясь желанием его разгадать. И не потому что я такая вредная, а потому что ты сам любишь секреты больше всего на свете. А их в последнее время все меньше и меньше, бедный сэра Макс!

- Ничего, на мой век небось хватит.

- Только если об этом позаботятся добрые друзья вроде меня. Мы - твой единственный шанс хотя бы иногда ничего не понимать, попадать впросак и проявлять слабость.

- Ну, с этим у меня до сих пор все в порядке. Я великий мастер проявления слабости, метко попадающий впросак с первой попытки, из любого положения, даже с завязанными глазами и в полной темноте.

- Именно потому что мир не без добрых... ну, скажем так, людей.

– Да не то слово! – смеется Макс.

– Однако нынче я намерена стать исключением из этого золотого правила. Один раз можно. Даже нужно. Я разыскала тебя не только ради удовольствия обнять и посмеяться, а специально для того, чтобы прояснить некоторые важные вопросы. Кроме меня это, пожалуй, никто не сделает – просто потому что люди понятия не имеют, какие вещи следует знать о себе существам вроде нас с тобой. Разве что теоретически. Но это совсем не то. А прочие наваждения не испытывают к тебе чувств достаточно нежных, чтобы пересилить отвращение к чисто человеческой привычке говорить слова вместо того, чтобы целиком окунуться в знание. Да и чего от них требовать, когда даже ты сам до сих пор не потрудился дать соответствующие объяснения собственному уму? Так и живешь – наполовину мудрец, наполовину невежественный балбес, причем эти двое наловчились игнорировать друг друга, как старые придворные, рассорившиеся еще при покойном короле.

– Вот этого я, наверное, не пойму никогда, – вздыхает Макс. – Каким образом я умудряюсь не знать то, что на самом деле знаю? Как это технически возможно, я имею в виду?

– Да проще простого. Забываешь же ты некоторые свои сны.

– В последнее время вроде нет. Хотя, конечно, пока не вспомнишь внезапно что-нибудь новенькое, не узнаешь, что оно было забыто.

– То-то и оно. Просто вообрази, что мудрец и балбес сидят на разных этажах большого дома. И не имеют пока приятной и полезной привычки вместе пить камру в гостиной.

– Это они зря.

– С другой стороны, их можно понять. В этом многоэтажном доме пока нет ни одной лестницы, а дикие прыжки в пропасть хороши только в самом крайнем случае. Это удовольствие не для повседневных нужд. Следовательно, надо строить лестницы, удобные переходы с этажа на этаж, мосты – называй как хочешь. Лишь бы самому было понятно. И запомни, этим строительством должны заниматься оба – и мудрец, и балбес. Иначе что толку было прикидываться человеком?

– А почему ты так ставишь вопрос?

– Да потому что подобная раздвоенность сознания – проклятие рода человеческого. И одновременно его величайшее достояние. Все зависит от того, как этим воспользоваться. Лично у меня – в ту пору, когда я сама прикидывалась человеком, – выходило, прямо скажем, не блестяще. Но я-то, в отличие от тебя, никогда не любила эту игру. И ужасно злилась на Лойсо за то, что он меня в нее втянул.

Макс снова смеется.

– Прости, – говорит он. – Просто звучит совершенно потрясающе: «Злилась за то, что втянул меня в игру», когда речь идет об отце.

– Это и правда была бы неплохая шутка, если бы речь шла о настоящих человеческих родителях и их не менее настоящих человеческих детях. А так – констатация факта. Когда маг считает, будто создает человека, он просто отливает из подручного материала соответствующую форму и втягивает в свою игру кого-нибудь из нас. Самые мудрые из них об этом смутно догадываются, но даже они редко знают, как в точности обстоят дела. Имей в виду, Макс, все, что я говорю о себе, и тебя касается. Разница лишь в том, что я, как и прочие духи, по капризу Лойсо Пондохвы ставшие его детьми, попала в ловушку, а ты с радостью согласился играть в человека. Как будто всю жизнь ждал столь блестящего предложения. Впрочем, почему «как будто»? Готова спорить на что угодно, так оно и было – ждал.

– Очень на меня похоже, – вздыхает Макс. – Сидеть дома и ждать, пока позовут играть во двор, – одно из моих первых детских воспоминаний. Которые, ясное дело, фикция. Но все равно зачем-то есть.

Трише очень хочется соскочить с качелей и убежать, пока не выяснилось еще что-нибудь этакое. Пока эти двое не разболтали какую-нибудь совсем уж ужасную тайну, зная которую просто невозможно сохранять покой. Но призрачная женщина-облако снова говорит, и надо совсем с ума сойти, чтобы добровольно уйти туда, где не будет слышно ее голоса.

Поэтому Триша слушает.

– Эти твои воспоминания – вовсе не фикция. Они принадлежат твоей Тени. А Тени наваждений, как известно, живые люди... погоди, чему ты так удивляешься? Неужели до сих пор не знал? Я была уверена, что уж кто-кто, а ты близко знаком с собственной Тенью.

– Вероятно, мы были представлены как раз в одном из тех снов, которые я благополучно забыл, – ухмыляется Макс. – Ну он и влип, бедняга. Или она?

– В данном случае именно «он». Когда речь идет о людях, сразу понятно, мальчик перед тобой или девочка, так что нечего мудрить. Но назвать его беднягой у меня язык не повернется. Стать Тенью овеществившегося наваждения – лучшее, что может случиться с человеком. Это дает великую власть над временем и над собой – как минимум. Впрочем, мало кому в подобных обстоятельствах требуется еще что-то. Такая участь даже мне кажется завидной – уж на что я сейчас довольна собственной, а все равно.

– Тебе виднее. Но интересно, как моя Тень живет без сердца? Сама помнишь, Джуффин говорил, что забрал его для меня, когда решил, будто мое больше ни на что не годится[1 - Речь о событиях, описанных в повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности»]. Объяснил, что Тень вполне может обойтись без потрохов и прочих излишеств. Мне было легко принять эту теорию – какая-то мистическая Тень без потрохов, ладно, прекрасно, все равно я не понимаю, о чем речь, в глаза эту фигню не видел и вообще не особо верю в ее существование, стало быть, прыгаем дальше с двумя сердцами и не паримся. Но о людях точно известно: без сердца они не жильцы. Разве что до полусмерти заколдованные, но такая жизнь даже в сказках добром не кончается.

– погоди, не тараторь. Младенцу же понятно, что Джуффин тогда тебя обманул. И не только потому что любит врать даже больше, чем лопать горячие пирожки. Просто не хотел, чтобы ты считал себя обязанным ему по гроб жизни. Ему с тобой и так было чрезвычайно непросто – в этом и во многих других смыслах... Конечно, Джуффин взял сердце у собственной Тени. Со своей-то всегда проще быстро договориться, а он, если помнишь, очень спешил, потому что думал – от этого зависит твоя жизнь. Твой бывший начальник большой молодец, ловко все тогда провернул, но ты имей в виду, сама по себе жертва не так уж велика. Тень такого могущественного колдуна не то что новое сердце – голову за полчаса отрастит, если понадобится. В общем, совершенно нет повода для беспокойства.

- Для беспокойства, может быть, и нет. Но это многое меняет.

- На самом деле это ничего не меняет - по большому счету. А малый не должен тебя заботить.

- Не должен, конечно. Но все равно заботит, ты же меня знаешь... Особенно прекрасно, что я, болван, его где-то здесь потерял. Причем сам не заметил, как это случилось.

- Что потерял? Свое второе сердце?! Здесь? В Городе? Ну ты даешь!

И женщина-облако снова начинает смеяться, да так сладкозвучно, что Трише становится все равно, о чем они говорят. Какое ей дело до чужих сердец, когда собственное стало мягче теплого воска и оказалось, что это - самый простой способ быть счастливой.

- Это лучший подарок всем троим, - отсмеявшись, говорит облако. - Лишнее сердце ни одному юному Городу не помешает, не зря же когда-то в фундаменты первых городских стен замуровывали принесенных в жертву птиц и людей. А тут вдруг такой случай - у тебя их целых два, и оба без присмотра. С другой стороны, ни одна Тень в здравом уме не откажется установить столь близкую родственную связь с каким-нибудь новорожденным миром. Вот они и сговорились за твоей спиной, пока ты болтался по улицам, себя не помня, машинально развоплощаясь чуть ли не на каждом мосту. Что же касается твоего бывшего начальника, на такой приз за проявленную когда-то находчивость он и рассчитывать не мог. Побрататься с Неведомым, точнее, дожить до того дня, когда Неведомое само станет топтаться на пороге, смущенно бормоча, что они теперь одна семья... Всегда знала, что Джуффин Халли счастливчик, но даже не подозревала насколько.

- Ну, хорошо, если так, - вздыхает Макс. - Я-то, честно говоря, места себе не находил. Уж насколько всегда был рассеянный, а потроха все же до сих пор не терял. Утешался тем, что и с одним сердцем чувствую себя неплохо, но мучился от невозможности как-нибудь проверить наличие селезенки. И всего остального. Даже Франка хотел расспросить - как я там внутри, целый? Но почему-то стеснялся. Да и не был уверен, что готов услышать честный ответ.

– Все-таки ты – лучший в мире игрок в человека, – говорит облако. – Абсолютный победитель по очкам. Даже настоящих людей переиграл. Большинству из них в подобной ситуации в голову не пришло бы беспокоиться о таких пустяках.

– Ну и зря. Чудеса чудесами, а потроха должны быть на месте – если, конечно, намереваешься и дальше наслаждаться слаженной работой организма, а не блуждать по долине смерти с печенью под мышкой по примеру древних египтян.

– По примеру кого?

– Ай, неважно. Ну был когда-то давно народ, именно так представлявший себе загробную жизнь. Поэтому своих покойников они потрошили, а внутренности аккуратно складывали в специальные красивые сосуды. Я в детстве чуть в штаны не наложил, когда об этом прочитал. Вернее, моя Тень чуть не наложила. Но я полностью разделяю ее, вернее, его тогдашние чувства... Все это ерунда. Но слушай, как же удивительно, что ты теперь знаешь такие вещи обо всех нас!

– Да я и раньше знала немало, – невозмутимо отвечает облако. – Просто помалкивала. И, кстати, сейчас вполне могла бы промолчать – так нет же! Взяла и выболтала чужой секрет. Все-таки Джуффин в свое время очень не хотел, чтобы ты узнал, чьей Тени принадлежит твое второе сердце. Ты, что ли, не выдавай меня. Просто забудь все, что я тебе тут наговорила. Если, конечно, получится.

– Ладно, будем считать, что последние десять минут ты увлеченно рассказывала мне о тайных любовниках тетушки Уши Ёши. А я демонстративно отказывался слушать, потому что нехорошо это – сплетничать о соседях. Со мной по-прежнему легко договориться, ты не находишь?

– Да уж. Стоило несколько минут с тобой поболтать, и я стала легкомысленной дурочкой, хуже обычной девчонки, – смеется облако. – Ты всегда плохо влиял на меня, сэр Макс. Или, наоборот, слишком хорошо – это как посмотреть. Но злоупотреблять этим удовольствием все же не следует.

– Еще как следует. Но ты, конечно, все равно меня не слушаешь.

– Но не потому, что люблю делать наперекор. Просто я с самого начала не планировала затягивать свидание. Хорошего понемножку. Специально пришла,

чтобы сказать тебе две очень важные вещи – и все! Но ты, как всегда, сбил меня с толку.

– Трудно тебе со мной? – понимающе кивает Макс.

– С тобой вообще всем трудно. Просто они, в отличие от меня, далеко не всегда это понимают. Но всем нам, бывшим и будущим жертвам твоего утомительного обаяния, честно говоря, грех жаловаться. Трудности идут нам на пользу и даже доставляют некоторое удовольствие.

– По твоим словам выходит – я просто спортивный снаряд.

– Вроде того. А теперь, пожалуйста, не перебивай. Слушай внимательно, пока меня не унес ночной ветер – к тому, по моим расчетам, идет. Есть одна правда, которую ты с упорством, достойным лучшего применения, не желаешь о себе знать: тебе жизненно необходимо быть нужным. Я помню, ты всегда считал это своей слабостью и даже пытался с нею бороться. Вернее, просто любил об этом поговорить, ничего не предпринимая. И хорошо, что так. Потребность быть нужным – не слабость, а просто твоя природа. Для тебя это топливо, источник силы и смысла, таков уж ты есть. Ты этим питаешься, дышишь, живешь. Как ветер живет, лишь пока дует, так и ты есть только в силу необходимости – чужой нужды в тебе. Когда ты ни для чего не нужен, ты попросту невозможен. Поэтому идешь, куда позовут, делаешь, что попросят, – вот, к примеру, даешь жизнь реальностям, которые хотят осуществиться. Впрочем, масштабы деяний не имеют для тебя никакого значения. Ты готов заниматься чем угодно: морочить головы, отпускать на свободу пленников, пугать привыкших бояться, не понимать желающих говорить загадками, учиться у тех, кто любит учить, и приносить знания тем, кто их жаждет, дразнить фонарем блуждающих в темноте, становиться приманкой для зачарованных мест, коллекционирующих диковины вроде тебя, раздражать сердитых, составлять компанию одиноким, сниться начинающим сновидцам, исцелять безумцев и сводить с ума зануд, затосковавших от собственной нормальности, или просто развлекать болтовней своих приятелей за очередной кружкой чего-нибудь способствующего созданию приятной атмосферы. А еще лучше – всем перечисленным одновременно. Чтобы уж наверняка не пропасть. Поэтому и впредь ни в чем себе не отказывай. Другим – тем более. Никому не говори «нет». В какие бы игры ты ни играл, в какие бы обличья ни рядился, эта правда о тебе всегда останется правдой.

– То есть, если никто не желает, чтобы я пугал его за утренним кофе, мне следует пойти и быстренько сотворить очередную Вселенную, которой позарез приспичило осуществиться? Попутно нашептывая ей, что никто не сделал бы это лучше, чем я, и пусть, дескать, приводит подружек? Что ж, полезная инструкция!

– Хорошо, что ты смеешься. А ведь раньше взорвался бы, пожалуй.

– Просто с тех пор я уже вдоволь навзрывался. И решил, что пора завязывать. Как со всяким дурным пристрастием вроде пива и героина... Но ты говорила – «две очень важные вещи». Какая вторая?

– Просто хочу замолвить словечко за твою Тень. Мы немного знакомы, и этот Макс, чьи воспоминания ты до сих пор по привычке ощущаешь своими, нравится мне не меньше, чем ты. Что, сам понимаешь, неудивительно. Ясно, что вы связаны, как сообщающиеся сосуды, – тут уж ничего не поделаешь. Да и не надо с этим ничего делать. Поэтому чем дольше ты будешь увлеченно играть в настоящего живого человека, тем больше разных интересных вещей успеет случиться с твоей Тенью. А чем больше сумеет наворотить он, тем легче и радостней станет каждый твой шаг. Но если ты перестанешь быть человеком, он застрянет навек в какой-нибудь зачарованной щели, где есть место невозможному. Потому что именно невозможным он и станет. Тень может быть только у человека. Или у того, кто им кажется. Точнее, у того, кто заключен в человеческое тело. Просто имей это в виду. А то знаю я твое переменчивое настроение. На ногу кто-нибудь наступит этак с приподвывертом – и все, привет, желаю развоплотиться, пошли все вон, надоели!

– Как ты в свое время?

– Совершенно верно. Не бери с меня пример. Положим, моей бывшей Тени даже понравилось быть зачарованной принцессой в волшебном замке. Но твой напарник быстро затоскует – на вечные времена. Примерно как ты в Тихом Городе. Ясно тебе?

– Ясно, – говорит Макс. – Теперь вообще многое стало ясно. Поставила ты мне голову на место. Спасибо тебе.

– Просто я наконец изобрела способ извиниться за то, что так быстро перестала быть девушкой, которую ты любил. Сама от себя не ожидала такого вероломства. С другой стороны, потом было бы еще труднее. И не только тебе... Всё, за мной пришли. До встречи!

– Хорошо хоть не «прощай».

– Я не настолько глупа, чтобы говорить «прощай», имея в своем распоряжении вечность, – смеется женщина-облако.

Она продолжает смеяться, пока внезапно поднявшийся ветер несет ее прочь вместе с сухими листьями, переполошившимися ночными мотыльками и шелковым шарфом, сорванным с Тришиных плеч.

«До сих пор ветер никогда не уносил мои вещи, – удивленно думает Триша. – Мы так не договаривались! Но ладно, если считается, что это подарок, тогда я согласна. Хотя совершенно не представляю, как облако может носить шарф? Вот бы посмотреть».

Триша слушает.

Не подслушивает специально, просто ветер по старой дружбе то и дело доносит до нее обрывки разговоров – в саду, на кухне, у чердачного окна. Они тревожат ее, как тревожит все непонятное, и одновременно делают счастливой – как обещание праздника, как слухи о новой ярмарке с каруселями, внезапно открывшейся на противоположном конце Города, как разноцветные огни в ночном небе – не то появились светящиеся перелетные птицы, не то просто на соседней улице затеяли фейерверк, а грохот позвать забыли.

Вот и сейчас Триша сидит в своей комнате и слушает, как за стеной звучат голоса и гремит посуда – чашки переставляют с места на место, с веселым звоном и бульканьем льются напитки, ноздри щекочет запах кофе и подогретого вина. Все бы ничего, но Тришин флигель стоит в саду, за стеной – только заросли цветущего кустарника, грушевые деревья и тропинка, ведущая к задней двери «Кофейной гущи», где, судя по всему, засел Макс с поздно пришедшим, зато грозившим досидеть до утра гостем по имени Джуффин Халли.

Триша не смогла бы подслушать их разговор, даже если бы встала под самыми окнами, запертыми по случаю недавнего холодного дождя. Но слышит каждое слово – сидя в своем флигеле, построенном в доброй полусотне метров от главного здания.

– Я, конечно, дурак, что так нелепо тебе наврал, будто Мир теперь готов рухнуть от моего взгляда, – говорит Макс. – Я действительно был в Echo – всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы убедиться – вреда от меня никакого. Впрочем, ты и сам сразу понял. Спасибо, что на смех не поднял.

– Чего я до сих пор не понял, так это почему ты вообще стал что-то сочинять. Не хочешь возвращаться – не надо. Силой никто не потащит. Или ты думал, что все-таки потащу? Вроде не первый день меня знаешь. Я, конечно, сторонник мелкого бытового насилия, начальнику без этого никак нельзя. Но во всех более-менее важных вопросах я за полную свободу выбора.

– Штука в том, что я сам не смог там находиться, – вздыхает Макс. – Вот это чистая правда.

– Час от часу не легче. Как это – не смог? Что тебе там не так?

– Все не так. Пространство, не совместимое с жизнью. Не знаю, как еще объяснить.

– Ничего не понимаю.

– Да я и сам долго не понимал. Немудрено – перепугался до полной потери разума. А наврал, чтобы не выглядело, будто я прошу о помощи. Потому что никакой помощи я не хотел. Решил – нет так нет, проехали. Тем более я уже давно свыкся с мыслью, что возвращаться нельзя... Но слушай, буквально на днях я наконец-то понял, что случилось. Просто я сам себя заколдовал. Ну, или не себя, а все остальное... Ай, неважно!

– Не знаю, чем ты теперь планируешь заниматься, сэр Макс, но карьера преподавателя тебе точно не светит. Внятной твою манеру излагать не назовешь. Я уж на что всегда был сообразительный юноша, а все равно ни хрена

не понял.

- Просто предполагается, что ты должен взорваться от любопытства, попутно сочинив штук восемьдесят блестящих версий произошедшего - все как одна лучше оригинала. Но ты почему-то не взорвался и даже ничего не сочинил, злодей в моем лице посрамлен. На самом деле все очень просто. Когда ты сказал, что я не должен возвращаться в Echo, даже если удеру из Тихого Города, меня перемкнуло. До этого, если помнишь, я держался более-менее стойко, а тут, не поверишь, обиделся. Не то чтобы на тебя, скорее на судьбу. И вообще на весь мир. И, конечно, подумал: «Ладно-ладно, в один прекрасный день сами будете звать обратно, умолять, рыдая, а я не вернусь!» Очень на меня похоже, да?

- Разумеется. Обо всем, что делает человек, можно сказать: «Очень на него похоже». И оказаться правым - в той или иной степени... Ну да, теперь понимаю. Поскольку обижаться подолгу ты не способен - тем более на весь мир, - твоему организму пришлось дополнительно потрудиться, чтобы ты смог сдержать слово, когда придет время. Все получилось, прими мои поздравления. Теперь наш воздух не подходит для тебя. Или не воздух... Ладно, разберемся, что именно. Имей в виду, я не считаю ситуацию непоправимой. Но тащить тебя куда бы то ни было за ухо по-прежнему не намерен.

- Я даже не знаю, какая из новостей лучше, - говорит Макс. - Собственно, они прекрасны именно в паре. Очень удачно друг друга уравновешивают.

- Совершенно с тобой согласен. Потому и сообщаю обе сразу.

- Еще кофе? - спрашивает Макс. - Знаю, что ты не большой любитель, но у Франка он поразительный. Вкус - ладно, это штука субъективная. Но Франков кофе еще и голову проясняет лучше любого волшебного зелья. По-моему, я заметно поумнел за то время, что тут гощу. И только потому, что ведрами пил этот грешный кофе на протяжении... Вот, кстати, интересно, сколько дней я уже здесь сижу? Очень трудно следить за ходом времени в еще не затвердевшей реальности. Я даже зарубки на дверном косяке стал делать, выяснив, что о календарях тут пока не слыхивали. Но когда начал ежедневно их пересчитывать, внезапно выяснил удивительные вещи из области арифметики. В частности, что сто двадцать четыре и один в сумме дают семьдесят семь, а семьдесят семь и один - двести восемнадцать. И так далее. Ну и плюнул, чтобы не доводить дело до Нобелевской премии за столь выдающееся открытие. Не до

нее мне сейчас. А сколько лет прошло в Ехо с тех пор, как ты впервые пришел к нам в гости? Или не лет?

– Как раз что-то около года. Но это ничего не значит. Ход времени в разных Мирах обычно не согласован, как, скажем, скорость движения рек, текущих параллельно друг другу на разных концах земли.

– Да, я помню. Просто вдруг стало интересно, сколько времени прошло для тебя и всех остальных. А сэр Шурф здесь обычно пребывает в столь поэтическом настроении, что даже как-то неловко приставать к нему с подобными глупостями... Но, кстати, знаешь, по моим ощущениям, тоже прошло около года. Предлагаю считать это обычным совпадением, в противном случае Нобелевская премия снова угрожающе замаячит на моем горизонте.

– Я начинаю подозревать, что эта загадочная премия – самое ужасающее наваждение твоей жизни. Хуже достопамятной Книги Огненных Страниц.

– Нет, просто очередная идиотская шутка из разряда особо непонятных окружающим. В этом смысле я совсем не изменился. Зато во многих других – пожалуй. Отчасти намеренно: не хочу сам себе надоесть. Я уже пробовал, у меня получилось. И не очень понравилось.

– Не сомневаюсь. Тебе нелегко пришлось.

– Иногда я понимаю, что больше всего на свете люблю глаголы прошедшего времени, – нежно говорит Макс. – Все пустяки по сравнению с ними. Чертовски приятно слышать: «Тебе нелегко пришлось» – и небрежно отмахиваться – мало ли что было. Было и прошло. Теперь даже можно сказать – да ничего страшного. И вообще все к лучшему. Вот что обыкновенная форма глагола с разумным существом делает. В настоящем, а тем более будущем времени эта фраза понравилась бы мне куда меньше.

– «Все к лучшему» – это, кстати, тоже правда.

– Кто бы спорил. Если уж я сижу здесь – дурацкое наваждение, которому нравится прикидываться человеком, совершенно довольное таким положением вещей и не готовое променять свою судьбу ни на какую иную. В такой ситуации было бы странно утверждать, что не к лучшему, правда?

- Правда. Однако ты совсем меня заболтал, сэр Макс. Я-то пришел к тебе по делу, и все из головы вон. Ворожишь ты, что ли, путая мысли всем, кто с тобой говорит?

- Да вроде нет... Погоди, серьезно по делу?

- Ну да.

Триша слышит негромкий хлопок, как будто на стол с размаху положили не слишком толстую книгу.

- Ты принес с собой... Глазам своим не верю.

- Чему ты удивляешься, сэр Макс? А то до сих пор не знал, что мне всю жизнь не хватало хороших партнеров для крака. А лучше тебя вообще никогда не было. Ты под конец уже чуть ли не половину партий выигрывал. И меня разбирал самый настоящий азарт, а не жалкая пародия на легкое возбуждение, которой приходится довольствоваться, садясь за стол с кем попало.

- Мне давно следовало догадаться, что именно ради этого ты меня и придумал. А все эти разговоры о якобы неизбежном конце света и моей мистической помощи – специальная хитроумная брехня для ушей твоих могущественных приятелей. Чтобы уважали и делились плюшками.

- Ну наконец-то ты начал меня понимать. Видимо, этот хваленый кофе действительно магическая штука. Налей и мне, раз так.

Триша слушает.

То есть вот прямо сейчас она сидит на своем высоком табурете за стойкой «Кофейной гущи», ждет, пока согреется вода, чтобы заварить чай для Алисы, которая твердо обещала прийти не позже полудня – значит, уже очень скоро. А Макс и его друг Шурф Лонли-Локли гуляют где-то в Городе. Скорее всего, за рекой, по крайней мере, именно туда они собирались отправиться. Но в распахнутое по случаю теплого дня окно все равно доносятся их голоса.

– Там, где я, условно говоря, вырос, есть пословица: «В одну реку дважды не вступают». И люди обычно трактуют ее так, что, дескать, не стоит возвращаться к тому, от чего однажды ушел. Чем бы оно ни было – надоевшей когда-то работой, страной, откуда уехал, брошенной женой или старой, по недоразумению прервавшейся дружбой.

– На мой взгляд, это довольно глупая пословица. Во всяком случае, описанное ею правило, мягко говоря, не универсально. Кому-то оно, возможно, подходит, но большинству – нет.

– В такой трактовке – безусловно. Но знаешь, я вдруг понял, что пословица совершенно о другом. Собственно, это вообще не пословица. Просто наблюдение за живой природой. Достаточно взглянуть на любую реку, чтобы увидеть, как она меняется – ежесекундно. Двигается, течет, влачит за собой камни и листья, меняет ширину русла и цвет, остывает и нагревается, волнуется, когда к ней прикасается ветер, успокаивается, когда он стихает. И захочешь вступить в ту реку, из которой вылез на берег – минуту ли, год ли, столетие ли назад, – а не выйдешь. Потому что река уже изменилась, только название осталось прежнее, а это ерунда.

– Следует ли понимать, что ты намерен снова войти в одну из тех рек, чьи названия тебе знакомы? И какую из них ты выберешь?

– Не знаю, – говорит Макс. – Впрочем, это совсем неважно. Спрашивать в любом случае надо не сегодняшнего меня. А того, кем я стану, когда этот Город и постепенно окруживший его большой Мир сделают первый самостоятельный вдох и заживут своей жизнью – как ни в чем не бывало. Вернее, как будто всегда было так, потому что действительно – всегда так и было. Ничего, скоро уже. Я точно знаю. Даже немного жаль, я бы еще в это поиграл. Впрочем, ладно. Будут в моей жизни еще и не такие игры.

– Мне нравится, что ты в этом не сомневаешься.

– Только в этом я и не сомневаюсь. Но мне достаточно.

Триша слушает.

Триша не знает, к чему приведут все эти разговоры. Если бы из достигших ее слуха обрывков можно было сшить лоскутное одеяло, укрыться им с головой и уснуть, возможно, во сне картина наконец стала бы полной. Но Триша не умеет шить одеяла из слов.

Поэтому ей начинает казаться, что лучше все-таки спросить.

– Макс, – говорит Триша, оставшись с ним наедине в кафе, благо Франк ушел не то за тысячу горизонтов по своим загадочным делам, не то просто за пряностями в лавку на улице Блеска, а посетителей нет, как это обычно бывает около полудня, когда завтракать закончили самые распоследние лежебоки, а об обеде еще не начали задумываться даже любители вскакивать на рассвете. – Макс, что-то происходит?

– Что-то происходит, – соглашается он, недоверчиво оглядывая свою куртку. – Всегда что-нибудь происходит, дружок. Например, вот прямо сейчас у меня оторвалась пуговица. И по-моему, это самое удивительное событие с момента моего появления здесь.

– Что может быть удивительного в оторванной пуговице? – изумляется Триша.

– Как правило, ничего. Но все зависит от контекста. То есть от сопутствующих обстоятельств. Вот скажи, ты заметила, что я уже очень долго хожу в одной и той же одежде?

Триша неуверенно кивает. Вообще-то она думала, у него просто несколько одинаковых комплектов – чтобы никогда не гадать, что надеть. А оно вон как.

– А ведь, по идее, вещи надо стирать, хотя бы иногда. Но они не пачкаются. И не пахнут потом – как будто я дух бесплотный, а вовсе не живой человек. Впрочем, я-то ладно, может, и бесплотный. С меня станется. Но знаешь, сколько раз я проливал кофе на эти горемычные штаны? Сперва нечаянно, а потом нарочно, в порядке эксперимента? И ни единого пятна. То есть сперва пятно есть, а потом оно высыхает и исчезает, как дождевая вода. И с любой грязью то же самое.

Больше тебе скажу, однажды я зацепился рукавом за гвоздь – хорошо так, качественно зацепился, на полном скаку. А куртке все равно хоть бы хны. И вдруг от нее оторвалась пуговица! Мне кажется, это добрый знак. Возможно, завтра же придется заняться стиркой. В жизни не подумал бы, что однажды такая перспектива меня обрадует. Вот уж действительно, никогда заранее не знаешь, что сделает тебя счастливым... И, кстати, из этого следует, что мне придется прогуляться до какой-нибудь одежной лавки, купить запасные штаны и – что еще здесь носят в это удивительное время года, когда на всех улицах безраздельно властвует туман? Ай, ладно, разберемся. Ужасно лень возиться еще и с тряпками, но вашим клиентам вряд ли понравится, если я начну разгуливать по залу «Кофейной гущи», завернувшись в простыню. Однако сперва я все-таки пришью пуговицу. Торжественный момент! У тебя нитки есть? И иголка? Давай их сюда.

– Я и пришить могу, – говорит Триша.

– Спасибо, друг. Но я хочу сам. Ты не сомневайся, я умею. В своей жизни я пришил великое множество пуговиц. Штук пять. Или даже шесть. Это был незабываемый опыт. Желаю его повторить.

Никогда не угадаешь, шутит Макс или говорит всерьез. Но, смотри-ка, принялся вдевать нитку в иголку. Похоже, и правда хочет все сделать сам.

– Я покажу тебе лавку, – говорит Триша. – А то до ночи будешь ее искать, по дороге, как всегда, забудешь, зачем шел, вернешься без покупок, зато с загорелым лицом, стопкой книг на чужих языках и букетом каких-то невиданных цветов. А назавтра окажется, что их теперь продают на всех углах, хотя я же точно помню, что прежде таких не видела... Поэтому лучше я сама тебя провожу. Штаны – дело серьезное. Хочешь пойти в ту лавку, где Франк покупает одежду? Тебе нравится, как он обычно одет? Или нет? Ты хочешь и дальше выглядеть примерно как сейчас или как-то иначе? Скажи, и я соображу, куда тебя вести... Эй, почему ты молчишь?

– В жизни каждого человека, – строго отвечает ей Макс, – однажды наступает ответственный момент, когда надо принять непростое решение. Или ты мелешь языком, или вдеваешь нитку в иголку. Я, как видишь, сделал выбор в пользу нитки. И она меня не подвела, вделась как миленькая. Я в восторге от собственного могущества. Если еще и пуговицу пришью, цены мне не будет, Триша. А потом мы пойдем в лавку. В какую скажешь. Ты начальник, я дурак.

Зато очень мастеровитый. За это мы купим мне много штанов, хороших и разных. Я тут же пролью на них кофе, и, если к утру пятно останется на месте, счастливее меня будет разве только ветер с реки, разгоняющий ванильные облака на задворках пекарен. Да и то не факт.

- Макс, - говорит Триша. - Что-то происходит.

Она больше не спрашивает, она утверждает.

- Я то и дело слышу обрывки твоих разговоров с друзьями, - говорит она. - Не нарочно подслушиваю, даже рядом почти никогда не стою. То ветер донесет, то эхо прозвучит, то кажется, будто вы говорите за стеной, еще и кружками стучите. Хотя, ты знаешь, я ночую в своем флигеле, и за стеной там только сад.

- Ничего удивительного, - скороговоркой бормочет Макс, целиком поглощенный манипуляциями с пуговицей. - В этом деле ты у меня свидетель. Самый надежный свидетель, какой только может быть. Если я когда-нибудь забуду, как жил в эти дни, чем тут занимался, что говорил и о чем знал без тени сомнения, или, хуже того, сдуру перестану верить собственным воспоминаниям - ну вдруг, все бывает, чего угодно можно от меня ожидать, - достаточно будет спросить тебя. Или просто вспомнить, что где-то есть ты - девочка-оборотень, бывшая кошка, которую можно расспросить, а уж за тобой подтянутся все остальные воспоминания, они ребята компанейские, знаю я их повадки... Поэтому ты все слышишь. То есть не все, конечно. Кое-что. Необходимое и достаточное количество информации. Хотя сейчас тебе, конечно, кажется, что это не так.

- Конечно, не так! - горячо подхватывает Триша. - Ничего себе «достаточное»! Я вообще ничего не понимаю. И, самое главное, что теперь будет?

- Да все что угодно, - безмятежно отвечает Макс. - Узнаю больше - расскажу. Зато пуговицу я все-таки пришел. Сам. Смотри, по-моему, она отлично держится. Все бы так.

- Далась тебе эта пуговица, - вздыхает Триша.

- Еще как далась. Она, умница такая, наконец-то оторвалась. А я, гений и герой, ее пришел. Все это вместе означает, что я жив. Понимаю, что то же самое может сказать о себе практически кто угодно. Но я всегда был любителем шуметь по

пустякам, ты уж меня прости. И отведи в какую-нибудь лавку, действительно. Прямо сейчас. Сердце подсказывает мне, что откладывать большую стирку на завтра неблагоприятно.

В полночь, после затянувшегося застолья, Макс, успевший порядком измочалить всех присутствующих своей сагой о пуговице, выходит в сад – в новеньких, с иголки, штанах и белом свитере, явно предназначенном для человека гораздо более солидной комплекции, – и скрывается в густых зарослях кустов с серебристыми листьями и черными ягодами, которых прежде, до его появления в «Кофейной гуще», не было в этом саду и вообще нигде в городе. Хотя теперь всем кажется, что были, и только Триша точно помнит, что нет. И Франк, конечно. Но Франк не был бы Франком, если бы не называл правдивыми вообще все версии, включая еще невысказанные – авансом, наперед, – и не рассуждал о том, что истина – это просто сумма всех правд, мыслимых и немыслимых, и если число слагаемых не стремится к бесконечности, грош такой истине цена.

Триша смотрит в окно. Там, за окном, пасмурная безлунная ночь и такой густой туман, что невозможно разглядеть даже кончики пальцев собственной вытянутой руки. Но Триша все равно каким-то образом видит, как Макс почти на ощупь идет по тропинке, а навстречу ему летит огромная глазастая птица, похожая на сову из детской книжки с картинками, только гораздо больше.

– На самом деле ты можешь вернуться, – говорит птица, опустившись на его плечо. – Просто не хочешь. Твое право. Хотя, конечно, жаль.

– Немножко не так, – вздыхает Макс. – Я никак не могу захотеть. Но я уже почти хочу захотеть, прикинь.

– Ого! Это что-то новенькое, – говорит птица. И, взмахнув большими тяжелыми крыльями, улетает прочь.

А Макс смотрит ей вслед, потирая скулу.

– Иногда мне кажется, что она прилетает специально для того, чтобы в очередной раз безнаказанно заехать мне крылом в рожу. Дескать, знать ничего не знаю, нам, птицам, время от времени требуется расправить крылья, а ваше дело маленькое – уворачиваться по мере сил, – говорит он Трише, которая сама

не заметила, как выскочила в сад следом за ним.

- Ты скоро уедешь? - спрашивает она. - В смысле уйдешь? Навсегда?

- Все может быть, - говорит Макс. - Но уходить навсегда, как показывает практика, не в моих обычаях. Что-что, а это искусство мне не дается, нечего и стараться. Обязательно возвращаюсь - рано или поздно, так или иначе, но возвращаюсь, откуда бы ни ушел. Оно и к лучшему. Выше нос, Триша. Сегодня - лучшая ночь в нашей с тобой жизни. То есть просто очередная самая лучшая ночь. Завтра непременно наступит еще одна самая лучшая, и послезавтра, и потом... Кстати, я же давно обещал тебе нового гостя. И до сих пор не сдержал слово. Надеюсь, очередная история отвлечет тебя от тревожных размышлений о будущем, которое, несомненно, прекрасно. Невзирая на то, что его нет.

- Гостя? - не веря своим ушам, переспрашивает Триша. - Нового гостя? С новой историей?

И, не в силах сдерживать охватившее ее ликование, взлетает на дерево - просто от полноты чувств.

- Если я все-таки когда-нибудь соберусь уезжать, - говорит Макс, - непременно позабочусь, чтобы ты не осталась без гостей и историй. И не раз в полторы вечности, как сейчас, а гораздо чаще. Это я тебе твердо обещаю.

Триша смотрит на него сверху вниз. Она знает, что в этом монологе есть только одно слово неправды: «если». Макс уже все решил. Но про гостей и истории он точно не врет. И, значит, неизбежная новая жизнь, наступление которой наверняка можно чуть-чуть отсрочить, но никак не отменить, действительно может оказаться ничуть не хуже нынешней.

- Мне бы теперь еще с дерева слезть, - вздыхает Триша. - Сама не понимаю, зачем так высоко забралась?

- Слушай, а когда открываются лавки? - спрашивает Макс.

Вот, казалось бы, знаешь уже, что от Макса можно ждать чего угодно, а он все равно находит способ удивить. Поднялся еще до рассвета, пришел на кухню и кофе сам сварил, да такой, что даже Франк, пожалуй, заинтересовался бы рецептом. А теперь про лавки спрашивает. Какой вдруг стал хозяйственный. С чего бы?

– Смотря какие и где, – отвечает Триша. – На нашей улице и по соседству – ближе к полудню, а на другом берегу гораздо раньше, уже через пару часов откроются. Тебе что именно нужно? Если еда или цветы, просто иди на рынок, он уже работает. И все пекарни тоже открыты. Или ты уже все новые штаны перепачкал и хочешь еще?

– Сам толком пока не знаю что, – говорит Макс. – Но совершенно точно не еда. И не штаны. С такой скоростью их даже я пачкать не умею. Скажем так, мне нужна всякая всячина. Игрушки? Свечи? Чашки? Ленты? Башмаки? Часы? Пуговицы? Еще что-нибудь? Пока своими глазами не увижу, не пойму.

– А тебе нужны новые вещи или старые тоже подойдут?

– Понятия не имею. Может быть, старые даже лучше. Или нет?.. А что?

– Если перейти Рыночный мост, а потом сразу свернуть налево, там на набережной с утра пораньше собираются старьевщики. Ты их сам издалека увидишь. Не знаю, найдется ли у них то, что тебе нужно, но пока будешь смотреть, как раз начнут открываться лавки. Их на том берегу возле рынка полно, самых разных. Я бы сама с тобой пошла и все показала, но «Кофейную гущу» оставить не на кого. Франк, сам видишь, гуляет где-то, а соседи любят у нас по утрам кофе пить.

– Ничего, – говорит Макс, – небось не потеряюсь.

И правда, не потерялся. Даже к обеду не опоздал. Явился с двумя тряпичными сумками, большими, туго набитыми, но, похоже, не слишком тяжелыми.

Спрашивать, что там, Триша постеснялась, а Макс не сказал. И сел за маленький стол у дальнего окна, как обычный посетитель. Значит, не до разговоров ему

сейчас.

Впрочем, похоже, и не до еды. Почти не притронулся к салату, от пирога отгрыз поджаристую корочку, жестом отказался от супа, даже кофе не допил, впервые на Тришиной памяти. Зато «спасибо» сказал раз десять, ослепительно улыбнулся, подхватил свои таинственные сумки и ушел в сад.

Макс не говорил Трише, что ему нужно побыть одному. Не просил оставаться в доме, не запрещал за ним ходить. Но она все равно почувствовала: лучше не надо. И еще добрых три часа сидела за стойкой, хотя клиенты давным-давно пообедали и разошлись. И Франк сидел, вернее, возился на кухне, сочинял начинки для пирогов, придирчиво нюхал какие-то новые пряности, сортировал сухие травы, словом, развлекался от души и в Тришиной помощи пока не нуждался.

- Слушай, - наконец спросила Триша, - а как ты думаешь, что Макс так долго в саду делает?

- Понятия не имею. Пойди да и посмотри, - рассеянно отвечивал Франк, не отрываясь от миски, до краев переполненной каким-то разноцветным крошевом.

- Думаешь, можно?

- Если пойдешь, значит, можно. А если нельзя, то и не пойдешь.

- Это как?

- Ну, к примеру, обнаружишь, что дверь заклинило, и мы с тобой, от души выругавшись, начнем ее чинить. Или вот прямо сейчас заявится клиент и потребует старого черного чаю, который, сама знаешь, варят на таком меееееееедлееееееееенном-меееееееееедлееееееееееенном огне. Или я попрошу тебя срочно наколоть орехов. Ну, или просто сама передумаешь. Скажешь себе - чего я в этом саду не видела? - и останешься сидеть, где сидела. Это если нельзя. А если можно, возьмешь да и пойдешь, кто ж тебя держит?

Триша еще немного посидела, обдумывая услышанное. Подождала: вдруг и правда кто-нибудь зайдет? Но нет, никого. И на улице пусто, ни одного прохожего, как всегда в послеобеденное время. Спросила себя: а хочу ли я идти в сад? Ну да, еще как хочу! Сползла с табурета. Прошла мимо Франка. Адресовала ему вопросительный взгляд. Дескать, что там насчет орехов? Наколоть?

– Для этой начинки орехи не нужны, – усмехнулся Франк. – Все, что может мне понадобится, уже под рукой. Иди уж.

И дверь открылась как миленькая. И сад оказался на месте. Только Макса там не было. Зато...

Зато в траве сидит толстый тряпичный заяц. Одно ухо у него желтое, второе красное, вместо левого глаза вязаный цветок, вместо правого – пуговица. А в полуметре от зайца стоит старый медный чайник с таким длинным носиком, что из него можно было бы, не выходя из-за стойки, налить чай человеку, сидящему у окна. На дереве висит марионетка – принцесса в серебряной короне на зеленых кудрях. Под деревом лежит перевязанная кожаной лентой стопка ветхих книг, чуть подалее – настольные часы в форме сердца, разукрашенная деревянная птица, одинокая туфля с загнутым носом и еще, и еще. В траве запуталась нитка стеклянных бус, под кустом сидит плюшевый енот, на садовой тропинке детские кубики с буквами расставлены так, чтобы сложилось слово «привет».

– Привет, – вежливо отвечает Триша. И идет дальше, разглядывая сокровища: бумажный фонарь, вилка с перламутровой ручкой, зеленая лейка в форме слона, пожелтевшая от времени открытка с веткой шиповника, белый воздушный шар, бисерная брошка-бабочка, мраморная солонка, обшитая блестками карнавальная маска-домино, синяя диванная подушка с парусником, связка ключей, компас.

– Ой, – говорит Триша, обнаружив, что уперлась в стену тумана, с которой граничит дальний конец их сада.

Дальше ей ходу нет.

Не то чтобы кто-то запрещал Трише заглядывать в туман. Ни единого предостережения на сей счет она за всю жизнь ни разу не слышала. Франк туда каждый день ходит, и Макс тоже, и некоторые гости оттуда появляются и уходят потом тоже через туман, и ничего им не делается. Но у Триши от этого тумана в глазах темно и шерсть на загривке дыбом, хотя, по идее, там давным-давно нет никакой шерсти, откуда, вы что? Франк ее очень качественно из кошки в девушку превратил, отлично постарался; он вообще все делает на совесть, если уж берется.

Однако, когда Триша подходит вплотную к стене тумана, ей кажется, что шерсть у нее на загривке все-таки есть. И стоит дыбом, что хочешь, то и делай.

Вот и сейчас.

Триша приветливо улыбается стене тумана – дескать, какая приятная встреча, как дела, спасибо, я тоже прекрасно, – а сама пятится, потому что поворачиваться спиной к собеседнику невежливо, а к неизвестности – еще и неосторожно, особенно когда она настолько рядом, что...

Уфф. Отошла всего на пару шагов, и все сразу же встало на свои места. Никакой шерсти на загривке, нигде ничего не стоит дыбом, и совершенно непонятно, почему только что было иначе, когда все хорошо, и вокруг наш сад, а туман – ну, подумаешь, у нас тут всегда туман, и его щенки каждый день прибегают в дом ластиться, славные, дружелюбные зверьки, чего это я, а?

Просто так близко к стене тумана лучше не подходить, Триша это давно знает. И сейчас не подошла бы, если бы не загляделась на расставленные в траве и развешанные на деревьях вещицы.

Триша снова вежливо улыбается туману; немного подумав, решает, что надо объясниться, раз и навсегда:

– Извини, пожалуйста. Почему-то я тебя немножко боюсь. И даже не немножко. Хотя верю, что ты хороший, а не жуть какая-нибудь. То есть я о тебе ничего плохого не выдумываю, вот правда! Может, просто кошкам не положено в тумане гулять?

– А кстати, вполне может быть, что не положено, – неожиданно соглашается Франк. – Кто вас разберет.

Он, оказывается, тоже вышел в сад. Стоит теперь перед выложенной из кубиков надписью «привет», озадаченно качает головой. Говорит:

– А ведь мог бы просто отправить открытку. Впрочем, ему виднее.

– Открытку, – задумчиво повторяет Триша. – Мог бы отправить открытку? Погоди. Ты хочешь сказать?..

– Я хочу сказать, что у нас с тобой куча дел. Если, конечно, мы намерены встретить гостя как следует. А не кормить его наспех разогретыми остатками вчерашнего обеда.

– Мы намерены, – твердо говорит Триша.

И идет в дом.

Время пролетело незаметно. Начинку для пирогов Франк доделал сам, а месить тесто выпало Трише. Вернее, целых три разных теста для разных пирогов. Франк только подсказывал и пряности подсыпал, а так все сама. Ничего, справилась. Поставила куриный пирог в духовку, яблочный – в печь, а третий, со сливами и перцем, который Франк окрестил злодейским, отнесла в погреб – ему, оказывается, надо сперва пару часов на холоде постоять. И только тогда перевела дух. Поглядела в окно, а Макс уже тут как тут. Сидит на крыльце, у входа в кафе, курит.

– А почему ты снаружи? – спросила Триша.

– А почему ты внутри? – откликнулся он. – Тут хорошо. И пахнет всем самым прекрасным на свете одновременно. Включая ваши пироги. Выходи. Или еще занята?

– Уже вроде нет.

Триша вышла на крыльцо, села рядом с ним на ступеньку. Принюхалась. «Все самое прекрасное на свете» – это у нас что?

– Похоже, дождь прошел, пока мы с пирогами возились, – сказала она. – То-то цветы так распахлись. И наши пироги благоухают не хуже цветов, ты прав. Ванилью, наверное, тянет из Птичьей кондитерской, больше неоткуда. А дымом из сада тетушки Уши Ёши, она любит чай на костре варить. И чем-то еще таким хорошим пахнет, не могу понять... Чем?

– Морем.

– Не может быть. Оно же очень далеко. Надо спуститься в долину, а потом еще ехать. Ты же вроде говорил, три дня?

– Три дня – это если пешком. Доехать-то за пару часов можно. В любом случае, морем пахнет, где ему заблагорассудится, такой уж у него нрав. Хочет – здесь, хочет – за тысячу миль. Плевать оно хотело на расстояния. Такое молодец. Надо бы его попросить пахнуть тут у нас почаще.

Улыбнулся, вздохнул, полез в карман за следующей сигаретой. Триша только теперь заметила, что он сидит как на иголках. Нервничает? Или просто чего-то ждет?

Спросила:

– Ты о чем-то тревожишься?

– Есть такое дело.

– Из-за гостя? Который сегодня придет?

– Ну да. Видела, что я в саду устроил?

– Ой, – спохватилась Триша, – с этими пирогами совершенно из головы вылетело. А там же такая красота! Столько всяких штук! Это просто так сюрприз? Или для дела?

– Это просто так сюрприз для дела, – подмигнул ей Макс. – Для самого прекрасного из всех возможных дел. Не то карта, не то магнит. Сам толком не понимаю, как именно оно должно работать. Но точно знаю, что работать – должно. И все равно дергаюсь. Думаю: «А ведь мог бы просто отправить открытку».

– Франк тоже так сказал, – вспомнила Триша. – Но потом добавил, что тебе виднее.

– Вот именно, – вздохнул Макс. – Если бы еще я сам так считал, цены бы мне не было. Никак не могу привыкнуть к тому, что всегда все делаю правильно. Даже когда ошибаюсь.

– Святые слова, – подтвердил Франк.

Он тоже вышел на крыльцо с трубкой и коробком спичек. Подмигнул Макс:

– Подумал, надо тебе помочь курить и волноваться. А то что ж ты мучаешься в одиночку. От Триши толку немного, где ты видел курящую кошку? И нервничать из-за всякой ерунды она не умеет. Разве только перепугаться и на шкаф запрыгнуть, но это совсем другой жанр.

– Можно подумать, ты у нас большой мастер дергаться по пустякам, – усмехнулся Макс.

– Ну, не то чтобы мастер. Но еще помню, как это делается. Примерно так, – и Франк принялся нервно чиркать по коробку. Пальцы его вполне правдоподобно дрожали, спички ломались, не загораясь, а брови хмурились все сильнее.

Вроде бы ничего особенного, многие люди так же мучаются со спичками на ветру, особенно когда волнуются. Но в исполнении Франка – настоящая фантасмагория. При условии, что вы с ним хоть немного знакомы.

В конце концов очередная спичка вспыхнула, но тут же погасла, Франк вполне искренне чертыхнулся, рассмеялся, щелкнул пальцами, и трубка наконец-то разгорелась.

– Все-таки мелкое колдовство очень упрощает жизнь, – заключил Франк. – Без него все становится так сложно, что лучше вовсе не браться. А некоторые люди все равно берутся. И, что самое потрясающее, время от времени у них что-то получается. Преклоняюсь.

Макс только головой покачал.

– А все-таки почему ты не отправил открытку? – спросил Франк. – Эта... это... ну, то, что ты наворотил в саду и дальше, – слов нет. В своем роде произведение искусства. Прекрасное и не то чтобы вовсе бессмысленное, но избыточное, как и положено искусству. Зачем? Мне казалось, с открытками – это я идеально придумал. С таким проводником кто угодно доберется, не заплутав. Даже самый неопытный путешественник, уверенный, что с ним ничего подобного в жизни не случится.

– Открытки у тебя отличные, – согласился Макс. – Если сегодня ничего не выйдет, отправлю, куда я денусь. Просто решил сперва дать человеку шанс добраться сюда более-менее самостоятельно. Если получится, это будет бесценный опыт. А если не выйдет, он, скорее всего, просто ничего не поймет. И уж точно не сочтет это неудачей. Идеальная ситуация, грех такую упускать.

– Твоя правда, – кивнул Франк.

И оба замолчали, совершенно довольные друг другом.

Триша насупилась. Как же иногда надоедает ничего не понимать!

Макс легонько толкнул ее локтем в бок:

– Иногда очень надоедает ничего не понимать, да?

– Ты что, мысли читаешь? – удивилась она.

– Нет, просто поставил себя на твое место. Знала бы ты, сколько раз я на нем стоял.

– В смысле тоже ничего не понимал? – невольно улынулась Триша.

– Меньше, гораздо меньше, чем ничего. И, как видишь, не пропал. Вырос большой-пребольшой, сам выучился говорить всякое непонятное. А вот объяснять так, чтобы стало понятно, пока не умею. Но попробую. Смотри, как обстоят дела: есть человек, который однажды совершил путешествие между Мирами. И сам толком не понял, как у него это получилось. Что неудивительно, никто поначалу не понимает. Поэтому наш человек сказал себе: «Я сам ничего не делал, это сэр Макс меня туда затащил. Было здорово, как жаль, что я так не умею». На том и успокоился. Хотя на самом деле никто его никуда не тащил. Я даже не сразу заметил, что он за мной увязался[2 - Речь о событиях, описанных в повести «Гугландские топи»]. А все равно получилось. Потому что у человека не просто способности, а талант. Талантище! Даже я по сравнению с ним тупица. И, надо думать, вообще все. Но он об этом, увы, пока не знает. Поэтому сидит, сложа руки, ждет очередного счастливого случая. И я решил такой случай ему организовать. Давно было пора. Но если я просто пошлю ему Франкову открытку, он не поймет, как тут оказался. И снова подумает, что все случилось само. И на сей раз будет прав – а толку-то от такой правоты. Поэтому я сделал хитрую штуку. Сам не знаю, что на меня нашло, – положился на вдохновение, повторить, пожалуй, не возьмусь. Похоже, получилось что-то вроде магнита, который, по идее, должен притянуть нашего гостя не хуже Франковой открытки. Но при этом он будет уверен, что идет сам. Разглядывает метки, принимает решения, гадает, правильно ли свернул. И не подозревает, что тревожится напрасно, потому что не прийти к нам по этой тропе совершенно невозможно. Небольшой фрагмент моего хитроумного сооружения ты видела в саду. Выглядит, как будто у нас полдюжины детишек в гостях побывало, да?

– Ну уж нет, – вмешался Франк. – Слишком аккуратно расставлено, дети так не играют. Скорее как будто художник порезвился.

– Примерно так и есть, – согласился Макс. – Чем я у нас не художник.

– Слушай, а он точно пойдет? – спросила Триша. – Неведомо куда, хватаясь за ленты, чайники и связки бус? Я на его месте просто осталась бы дома. Открытка, по-моему, гораздо надежнее. Раз – и тут. Или нет?

– Где бы мы были, если бы всегда останавливались на более надежных вариантах, – улыбнулся Макс. – А человек, о котором речь, – совершенно особый случай. Он, вообрази себе, вообще ни черта не боится. И не потому, что такой уж храбрый. А просто искренне не понимает, чего бояться человеку во Вселенной.

Которая, по его глубочайшему убеждению, существует исключительно для нашего удовольствия и развлечения.

– Ну, я вообще-то тоже так думаю, – без особой уверенности сказала Триша. И честно добавила: – Иногда. А иногда вспоминаю, что есть еще опасности, ошибки, огорчения и прочие неприятные вещи. В этом, наверное, разница.

– Конечно, – кивнул Макс. – Я и сам таков. О чем только порой не вспоминаю. Мог бы, честно говоря, и пореже.

– Мог бы, мог бы, – подхватил Франк. – Уже, на мой взгляд, пора. На то и дается нам прискорбный жизненный опыт, чтобы научиться жить так, словно его нет и никогда не было. Один из сложнейших уроков. Почти невыполнимая задача, которую тем не менее необходимо выполнить. Иначе дальше пути нет. Да ты и сам знаешь.

– Знаю, – согласился Макс. – Все-то я знаю, такой умный стал – страсть. Впору к собственному отражению на «вы» начинать обращаться. А все же иногда треклятый опыт кладет меня на лопатки, как встарь. Но нашему будущему гостю в этом смысле гораздо проще. Он, видишь ли, всегда умел договориться с жизнью, так что печального опыта у него, считай, нет вовсе.

– «Договориться с жизнью»? – изумилась Триша. – Это как же?

– Я не знаком с человеком, о котором идет речь, – сказал Франк. – Но, похоже, он просто очень любит жизнь. И умеет ей доверять. Это, насколько мне известно, единственный надежный способ с нею договориться.

– Как я понимаю, у него было очень счастливое детство. Думаю, в первые годы жизни, когда закладывается фундамент будущего опыта, его никто ни разу не подвел, не обманул, не напугал. А к тому моменту, когда у всех нормальных людей начинаются серьезные неприятности, он уже привык быть счастливым и чувствовать себя в полной безопасности, что бы ни случилось. Привычка – страшная сила. И это тот самый редкий случай, когда она только на пользу...
Слушайте! По-моему, все у меня получилось.

Триша метнулась в кафе – неужели гость уже там? А она, выходит, не услышала, как он вошел? И Франк не услышал? Как такое может быть?!

- Да нет там никого, - крикнул ей вслед Макс.

- Но ты же сказал - получилось. - Триша совсем растерялась.

- Это значит, что наш гость уже в пути. Я это твердо знаю, как будто сам вместе с ним иду. Даже не ожидал такого эффекта.

- И когда он придет? - деловито спросила Триша. - Мне надо понять, как быть с пирогами. Торопить их? Или, наоборот, убавить жару?

- Пироги сами разберутся, - успокоил ее Франк. - У нас с тобой обычно получаются очень сообразительные пироги. Ты-то с какой стати не доверяешь жизни? Вроде бы я никогда тебя не подводил, не обманывал и не пугал.

- Ты - нет, - согласилась Триша. - Но не забывай, я же у тебя не с самого рождения живу. А быть котенком - довольно опасное занятие, что бы люди ни думали. Это только со стороны кажется, будто нам всегда весело и хорошо.

Франк и Макс озадаченно переглянулись. Похоже, им обоим до сих пор в голову не приходило, что у котят нелегкая жизнь.

- Предлагаю переместиться в сад, - наконец сказал Макс. - Трише будет интересно посмотреть, как придет наш гость. А ему, уверен, понравится, что его встречают.

- А мне все равно, где сидеть, - кивнул Франк. - Пошли.

Триша во все глаза смотрела в ту сторону, где туман. Так ждала гостя, что даже о пирогах забыла; впрочем, судя по долетавшим из кухни запахам, они и сами неплохо справлялись. «Франк совершенно прав, - думала она, - у нас действительно получаются очень сообразительные пироги. Иначе и быть не может».

Франк, впрочем, все-таки сходил на кухню поглядеть, не нужна ли помощь. Заодно и кофе принес. Не «Огненный рай», конечно, а самый обыкновенный. Но

обыкновенный кофе от Франка – это тоже выдающееся событие. Сколько его ни пей, привыкнуть невозможно, потому что всякий раз у него немного иной вкус, и даже если очень захочешь, не скажешь, какой был лучше – вчерашний, сегодняшний или тот, что Франк варил год назад. Все лучше!

Так и сидели, потягивая кофе, глядели, как подкрадываются сумерки. Вроде солнце еще не собирается садиться, но тени растут, сгущаются, синеют, а птицы начинают галдеть, словно внезапно поняли, как много важных вещей надо успеть сказать друг другу перед сном.

Щенки тумана стали понемногу просыпаться и разбредаться по саду. Один забрался Трише на колени, явно намереваясь еще немного там подремать, но вдруг передумал, спрыгнул на землю и побежал обратно, к туманной стене. Остальные рванули за ним, а минуту спустя снова выскочили, счастливые, возбужденные, повизгивающие от восторга, и Триша сразу поняла, в чем дело. Это они встречают гостя, который, получается, уже пришел, и, значит... Ой!

– Ой, – выдохнула она вслух, когда из тумана вышел человек. То есть Трише сперва показалось, что оттуда вышла улыбка, а человек к ней просто прилагался, как раковина к улитке.

– Хорошо, что я пошел домой пешком, – сказал он. – Так и знал, что-то случится.

Поначалу гость был на редкость молчалив. Вежливо поздоровался с Франком и Тришей, выслушал их имена, назвал свое: «Нумминорих» – и снова притих. Даже по сторонам не особенно глазел. Смотрел на Макса, как ребенок на фокусника, но ни о чем не расспрашивал, только улыбался все шире, хотя с самого начала казалось – дальше некуда. На предложение пойти в дом кивнул с таким энтузиазмом, что голова чуть не оторвалась. И только усевшись за стол, сказал: «Извините, пожалуйста, на меня столько всего сразу навалилось!» – и закрыл лицо руками. Впрочем, улыбка все равно выглядывала из-под сомкнутых пальцев. Триша так и не поняла, как ему это удалось.

– Слишком много новых запахов, – сказал Макс Франку.

Тот кивнул, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, зато Триша окончательно перестала понимать хоть что-то. С каких это пор кухонные запахи

стали проблемой? Если бы у нее все еще был хвост, он бы сейчас изогнулся в форме вопросительного знака. Но Макс и сам сообразил, что Триша лопается от любопытства.

– У Нумминориха такое острое обоняние, что по сравнению с ним даже у твоих кошачьих собратьев вечный насморк, о людях уже не говорю. Обычно чуткий нос ему только на пользу, поскольку становится источником дополнительных удовольствий и чрезвычайно интересной информации. О любом новом знакомом Нумминорих может сказать не только где тот бывал и чем питался последние несколько дней, но даже откуда родом его далекие предки. Вернувшись вечером домой, он точно знает, что там творилось в его отсутствие: кто заходил в гости, какие покупки доставили, что, напротив, унесли и чем кормили на завтрак детей. Даже у нас, в Тайном Сыске, где все такие всеведущие, что хоть вовсе на глаза им не показывайся, он то и дело озадачивал коллег умением вынюхивать – в буквальном смысле слова – чужие секреты. Когда, скажем, наш всемогущий шеф начинал заливать, будто всю ночь просидел в засаде где-то в Речном Порту, мы все доверчиво выражали восхищение его стойкостью, и только сэр Нумминорих расспрашивал меня тайком: «Это он нарочно нас проверяет или действительно хочет скрыть, что сидел не в порту, а в «Лумукитанских ветрах»? То есть мне сейчас лучше промолчать?» Такой вот у него нос. А тут – иная реальность. Вообще все запахи непривычные. Представляешь, каково ему сейчас?

– Спасибо, Макс, – сказал гость. – Ты здорово объяснил. Ничего, я быстро приду в себя. В прошлый раз – помнишь, когда я увязался за тобой и Орденом Долгого Пути? – мне хватило буквально минуты; правда, там не было ни кафе, ни ресторанов, и даже в окрестных домах почти никто ничего не готовил. Запахи пряностей и еды – это как раз самое трудное. А здесь их несколько тысяч!

– Восемь с половиной, – гордо подтвердил Франк. – Наконец-то у нас объявился понимающий клиент. Очень интересно будет выслушать твои комментарии – позже, конечно, когда освоишься.

– Да какие уж тут комментарии, – не отнимая рук от лица, сказал Нумминорих. – Штука в том, что большая часть ароматов мне вообще незнакома. По их воздействию на организм я могу предположить, что это в основном пища, причем не просто съедобная, а вкусная и даже полезная для меня. И все! В этом, собственно, и трудность: я не могу опознать и хоть как-то классифицировать новые запахи, а значит – обработать информацию самым простым и привычным

способом. В то же время некоторые ароматы все-таки вполне узнаваемы, и это окончательно сбивает с толку. Но не беда, я справлюсь.

- Не сомневаюсь, - улыбнулся Франк. - Ты справишься вообще с чем угодно.

Нумминорих снова молча кивнул - с таким же энтузиазмом, с каким принял приглашение войти в дом.

- Если хочешь, могу закурить, - предложил Макс. - Это перебьет большую часть новых запахов, и тебе станет легче.

- Не перебьет, - рассмеялся Нумминорих, отнимая руки от лица. - Только исказит. Что, кстати, само по себе неплохо - тогда я окончательно откажусь от бесплодных попыток разобраться. Впрочем, я и так уже почти отказался. Это, знаешь, такой прекрасный момент - когда организм окончательно понимает, что разобраться невозможно, и начинает спокойно жить дальше. Как ни в чем не бывало.

- Ты, главное, дай знать, когда тебя можно начинать кормить, - сказал Франк. - Чтобы до обморока от избытка впечатлений не дошло.

- Не дойдет, - успокоил его Нумминорих. - Не стану я падать в обморок и пропускать все самое интересное, ты что. А кормить меня можно прямо сейчас. Даже, наверное, нужно. Потому что сперва я не успел позавтракать, потом нам всем было не до обеда, только печенье на совещании погрызли. А ближе к вечеру меня так неожиданно отпустили домой, что я от удивления забыл поужинать. И пошел пешком, хотя живу очень далеко от Дома у Моста. Часа три надо идти, да и то быстрым шагом. Совершенно нелепый поступок, даже по моим меркам. Поэтому сказать, что я успел проголодаться, все равно что сообщить семье покойника, будто у их родича несколько понизилась температура. Непростительное преуменьшение, искажающее смысл события.

- Ясно, - обрадовался Франк. - Не зря, значит, мы с Тришей трудились.

И в центре стола воцарился куриный пирог.

– Кажется, у меня все-таки появился шанс упасть в обморок, – восхищенно вздохнул Нумминорих, попробовав первый кусок. – Но я ни о чем не жалею.

Все жуют, и только Максусу явно не до еды. Он натурально подпрыгивает от любопытства, причем вместе со стулом. Таким его Триша никогда прежде не видела.

– Ужасно хочу узнать, как все это выглядело с твоей точки зрения, – наконец сказал он. – Я имею в виду, как ты сюда попал? Мне очень интересно.

– Правда? Ты не из вежливости спрашиваешь?

– От вежливости, насколько мне известно, не взрываются. А мне это, похоже, грозит.

– Тогда, конечно, расскажу. Только учти, я буду говорить с набитым ртом. Знаю, что некрасиво и, главное, очень невнятно, сам неоднократно объяснял это детям, но ваш пирог поработил мою волю, и тут ничего не поделаешь. Так вот, сперва я просто шел домой, в сторону Нового Города. И, надо сказать, подозрительно быстро добрался до улицы Стеклянных Птиц, даже немного удивился – как это я так? Вроде не бежал. Уже собрался сворачивать к Воротам Трех Мостов, когда заметил необычную куклу-марионетку, зеленоволосую девочку в короне. Она висела на дереве, причем довольно высоко, с земли не достать, но я подумал – будет здорово принести ее дочке. Благо что-то, а лазать по деревьям я умею. В детстве у меня даже домик на дереве был, почти на самой верхушке, мама его специально так высоко соорудила, чтобы каждый визит туда становился настоящим приключением, а не просто – вскарабкался, посидел, спрыгнул... В общем, я полез за этой куклой и, только когда подобрался поближе, понял, что на самом деле ее просто не может быть.

– Запах? – понимающе улыбнулся Франк.

– Ну да! У нас вообще ничего так не пахнет. То есть штука не в том, что это был просто незнакомый запах. Я, как все люди, постоянно сталкиваюсь с чем-то впервые, ничего необычного тут нет. Но запах, исходивший от марионетки, был не просто незнакомым, а невозможным. Как бы объяснить? Вот, например, ты родился и вырос в погребке, где хранятся фрукты. Ничего кроме фруктов там

вообще никогда не было. Никто кроме тебя туда не заходит, а сам ты ни разу не высовывался наружу, даже не знаешь, что кроме погреба есть еще что-то – целый мир. И вдруг в один прекрасный день в твоём фруктовом погребе начинает пахнуть – ну, например, диким лесным зверем. Легче предположить, что сошел с ума, чем вообразить, от чего может исходить этот новый запах, правда? Сказать себе: такое просто невозможно, а значит, мне мерещится. К счастью, я совершенно точно знаю, что возможно абсолютно все, в этом смысле мне гораздо легче, чем остальным людям. Но куклу брать я, конечно, не стал. Подумал – наверняка это кто-то колдует, а в чужое колдовство лезть не стоит. Тем более оно явно было не вредное, а совсем наоборот. Это я тоже сразу почуял. С магией дело обстоит ровно так же, как с едой: еще понятия не имеешь, что это так пахнет, но уже ясно, что источник аромата полезен или, напротив, ядовит, по крайней мере для тебя лично.

– Верно, – подтвердил Франк. – Приятно слышать разумные речи. Берегись, дружок! До сих пор я не занимался похищениями людей, но сейчас меня всерьез подмывает украсть тебя навек и запереть на этой кухне. Из тебя мог бы получиться отличный повар.

– А он из меня уже один раз получился, – смущенно признался Нумминорих. – В свое время я учился у Лаланусы Ужиурмаха. Макс, наверное, его не знает, а будь тут кто-нибудь еще из наших, очень удивился бы! Лалануса Ужиурмах был одним из самых знаменитых столичных поваров и, безусловно, старейшим из них; достоверно известно, что он родился еще при королеве Вельдхут, а умер буквально пару дюжин лет назад – говорят, просто от скуки, потому что исчерпал все возможные рецепты. Ну, или думал, будто исчерпал. Все знают, что учеников мастер Ужиурмах не брал, и это почти правда. Я – единственное исключение. Впрочем, моей заслуги тут нет, он согласился со мной возиться только потому, что когда-то дружил с моей мамой. Но потом был даже рад, что так сложилось, говорил, из меня выйдет толк. А однажды объявил, что толк уже вышел, и на этом мое обучение закончилось.

– Ничего себе, – изумился Макс. – Не знал, что ты еще и повар.

– А я и не повар. Хотя мог бы им стать, если бы пожелал, это правда. Но мне всегда было интересней учиться, чем работать, так уж я устроен.

– Ладно, тогда не буду тебя похищать, – решил Франк. – Раз так, продолжай рассказывать, мне тоже интересно, как ты сюда добирался.

– Я слез с дерева и пошел дальше. И почти сразу заблудился. Что вообще-то полная ерунда: я очень хорошо знаю весь Правый Берег, а уж этот край Старого Города возле Ворот Трех Мостов – и подавно. Я снимал квартиру как раз за пару кварталов от ворот, когда начинал учиться в Королевской Высокой Школе. И каждый день ходил на занятия пешком, то и дело изобретая новые маршруты, чтобы не затосковать. Когда новый маршрут не удавался, приходилось прогуливать лекции, но это случалось довольно редко. Сами понимаете, с тех пор мне в собственной спальне заблудиться проще, чем в тех переулках. Однако, свернув к Воротам Трех Мостов, я не увидел никаких ворот, а только короткую тупиковую улицу, упирающуюся в высокий каменный забор. Табличка на углу гласила, что я нахожусь в Северо-западном проходе – нечего и говорить, что такого названия я в жизни не слышал. И, помню, подумал, что называть тупик проходом – дурацкая шутка. Но хорошая.

На этом месте Макс рассмеялся, закрыв лицо руками, почти беззвучно, чтобы не помешать рассказчику, но Триша все равно заметила. Хоть и не поняла причину его веселья[3 - Тем, кто причину веселья тоже не понял, имеет смысл прочитать (или перечитать) рассказ Герберта Уэллса «Дверь в стене». У Триши-то такой возможности не было.].

– Я решил осмотреться. Все-таки обнаружить незнакомую улицу у Ворот Трех Мостов – по-настоящему удивительное событие для меня. Глупо было бы сразу уйти. Ну и запахи, конечно. Ничего конкретного я в первый момент не учуял, но была какая-то странность в совокупности уличных ароматов, в целом похожей на привычный фон, характерный для этой части города. Позже до меня дошло, что среди прочих там присутствовал все тот же невозможный запах, вернее, запах невозможного, что исходил от марионетки на дереве, но поначалу я не сумел его выделить. Все к лучшему – тогда я бы вряд ли полез через забор в чужой двор. Я довольно осторожный человек, хотя обычно это не бросается в глаза.

– А ты полез? – обрадовался Макс.

– Ну да. Я подумал – если тупик назван проходом, логично предположить, что прежде здесь был именно проход. А потом его перегородили – может, выхлопотав разрешение, но, скорее всего, просто так, наудачу, вдруг никто не обратит внимания. Обычно так и бывает. А у меня в этом деле свой интерес.

– Какой? – изумился Макс.

– Ну как?.. А, я же еще не рассказывал тебе про Общество Открытых Дверей. Сперва стеснялся, потом как-то к слову не приходилось. Ну, неважно. Просто есть такое общество. Я сам его организовал – довольно давно, лет шестьдесят назад.

– Ничего себе. Что за общество-то?

– Как было записано в нашем уставе, «добровольное сообщество охраны неприкосновенности городских путей». А если говорить человеческим языком, небольшая, но дружная компания горожан, более-менее располагающих свободным временем и следящих, чтобы никто без крайней необходимости не перегораживал улицы и не запирал проходные дворы. Дело даже не в том, что подобные поступки лишают людей возможности гулять любимыми маршрутами, а в случае нужды сокращать дорогу чуть ли не вдвое. Хотя это тоже важно. Но еще важнее интересы самого города. Его самочувствие. Если бы город был хоть немного похож на человека, я бы сказал: важно, чтобы никто не перекрывал ему дыхание. Потому что даже когда у тебя сотня тысяч голов, носов, шей и пар легких, необходимо, чтобы дышали все. А не половина или, хуже того, треть.

– Какое точное наблюдение! – восхитился Франк. – Готов спорить, о таких вещах почти никто не задумывается. А ты даже специальное общество организовать не поленился.

– Ну, однажды задумавшись о том, как живет город, в котором запирают проходные дворы, поневоле начинаешь прикидывать, что тут можно сделать, – смущенно объяснил Нумминорих. – Сострадание принуждает к деятельности даже лентяев вроде меня. Поначалу я действовал сам – просто говорил с домовладельцами, старался объяснить, что к чему. Некоторые со мной соглашались, некоторые нет. И тут почти случайно выяснилось, что многие самоуправствуют, не потрудившись получить соответствующее разрешение. Поэтому достаточно пожаловаться городским властям, чтобы очередной забор был снесен, а калитка, ведущая во двор, снова распахнута настежь. Естественно, я быстро понял, что мне нужны помощники – сам я успевал не слишком много. Так все и завертелось. Чем хорошо общество – ты можешь спокойно уехать на несколько лет или, скажем, с головой погрузиться в домашние хлопоты, а твое дело при этом совершенно не страдает. Еще ни разу не случилось, чтобы все наши вышли из строя одновременно. Честно говоря, поступая в Тайный Сыск, я думал, что ребятам теперь придется обходиться без

меня, но оказалось, служба не только не мешает наблюдениям за городом, а напротив, им способствует – мотаться по Ехо и совать нос в незнакомые переулки я стал гораздо чаще, а мой новый статус способствовал успешному ведению переговоров с любителями ставить загородки. На самом деле все это сейчас совершенно неважно. Я просто объясняю, почему вообще полез в чужой двор – я регулярно так поступаю.

– Ну надо же, как все лихо закручено. – Макс озадаченно покачал головой. И с чувством повторил: – Ну надо же!

– Я, конечно, не сразу ринулся штурмовать забор. Сперва побродил там, осмотрелся – вдруг какая-нибудь общительная старушка как раз скучает дома и не откажется поболтать с любопытным прохожим? Но никого не было, только пестрая деревянная птица в одном окне и смешная тряпичная игрушка с цветком вместо глаза – в другом. Тогда я подумал-подумал и решил все же поглядеть, что творится за каменным забором в конце улицы – глухим, без единой калитки. Прежде такие только вокруг Орденских резиденций возводили; впрочем, сравнение некорректное, у тех-то ворота все-таки были, просто невидимые. А здесь – ничего. К счастью, я еще в детстве выучился лазать даже по совершенно гладким стенам. Вообще сейчас, задним числом, я начинаю понимать, что провел детство, непрерывно обучаясь всяким полезным штукам. Но, к счастью, так этого и не заметил. Думал, мы с мамой просто играем.

– А еще она научила тебя взламывать замки любой сложности, – вспомнил Макс.

– Ну да. И еще куче разных вещей, включая древний язык Хонхоны и хохонгрон – тайный язык чирухтских горцев, который сами они называют Ясной речью и используют, когда хотят побеседовать о самых важных вещах – смерти, снах и погоде. Правда, мы с мамой ограничивались снами – она объяснила мне, будто рассказывать друг другу, что приснилось, следует на специальном волшебном языке. Дескать, тогда наши сновидения не поймут, что мы о них сплетничаем, и не перестанут нас навещать. Я, кстати, долго думал, что хохонгрон – просто мамина выдумка, и только в Королевской Высокой Школе обнаружил, что это реальный, хоть и малоизвестный язык и я владею им настолько хорошо, что записываться на соответствующий курс нет никакого смысла... Мама как-то призналась, что постаралась незаметно научить меня всему, что ей самой давалось с наибольшим трудом – азам Черной магии, спорту и чужим языкам, с которыми чем раньше начнешь, тем лучше. А все остальное, полагала она, учить настолько приятно и интересно, что можно не спешить. Особенно с настоящей –

ну, то есть выходящей за пределы повседневных хозяйственных нужд – магией. Ее, по мнению мамы, вообще следовало оставить на сладкое, обеспечив себе таким образом счастливую старость.

– Очень разумный подход, – согласился Франк.

– Слов нет, как тебе с ней повезло, – улыбнулся Макс. – Но не отвлекайся, рассказывай дальше. Мы остановились на том, что ты перелез через каменную стену в конце улицы.

– Точнее, на том, что я собрался перелезть. Все оказалось не так просто. Ну, то есть наверх-то я, можно сказать, взлетел, не раздумывая. Но там притормозил. Потому что за забором не было ничего. Даже запахов, а это для меня примерно такой же шок, как для обычного человека внезапно ослепнуть. А может быть, наоборот – там было все сразу, слишком много всего, и от такого изобилия мое восприятие перестало работать? Не знаю, как объяснить.

– Да чего тут объяснять, – хмыкнул Макс.

– Мы примерно представляем, – добавил Франк.

И только Триша подумала, что лучше бы он все-таки постарался. Но промолчала.

– Я, конечно, сразу посмотрел назад. Улица была на месте. Дома, деревья, мостовая и табличка «Северо-западный проход» на углу. И запахи – листьев, ветра с реки, земли, уже основательно высохшей после позавчерашнего дождя, заморских пряностей и горячего масла из «Джуффиновой дюжины», соли и кожи из какой-то далекой, кварталах в трех отсюда расположенной лавки – словом, всего, что может и должно пахнуть в этой части города в такое время года и суток. Там, за моей спиной, все было абсолютно нормально, а впереди не было ничего, и это оказалось достаточно веской причиной, чтобы надолго застрять на этой грешной стене.

– Я бы, наверное, сразу спрыгнул, не раздумывая, – признался Макс. – Только не знаю, вперед или назад – это уж как повезет. Шансы, насколько я себя изучил, примерно равны.

– Да я бы тоже сразу спрыгнул, – улыбнулся Нумминорих. – Именно что не раздумывая и тоже неизвестно куда, вперед или назад – как получится. Но я слишком испугался. А когда мне по-настоящему страшно, я становлюсь очень рассудительным.

– Вот это да! Обычно люди, перепугавшись, утрачивают способность рассуждать.

– Тоже мамина наука. Она считала, что ум – отличная штука, но слишком утомительная. Поэтому включать его на полную мощность следует только в особых случаях – например, когда ситуация опасна для жизни или просто стало очень страшно. А пока все хорошо, можно оставаться наивным болваном, таким гораздо веселей живется.

– Потрясающий подход, – вздохнул Макс. – Похоже, твоя мама – самый мудрый человек за всю историю обитаемых Миров.

– Ну, это трудно вот так навскидку определить, – серьезно возразил Нумминорих. – Соревнований-то не устраивают. Но у нее действительно очень светлая голова – как, впрочем, у всех женщин Ордена Часов Попятого Времени. Мама говорила, что с таким Великим Магистром у них не было особого выбора: или ты быстро-быстро станешь беспредельно мудрой, или попросту чокнешься уже на следующий день после поступления в Орден. Что, собственно, тоже неплохо для дела. Но безумие приедается гораздо быстрее, чем мудрость, поэтому всем чокнутым рано или поздно все равно приходится перестраиваться.

– Отлично сказано, – обрадовался Франк. – Хотел бы я познакомиться с твоей мамой!

– Да я бы и сам хотел с ней познакомиться.

– Это как? Неужели она – твоя выдумка?

– Нет, что ты. Самая настоящая. Я бы, пожалуй, не сумел сочинить такую отличную маму. Просто когда я более-менее вырос, она сказала, что хочет еще раз попробовать прожить юность, которой у нее толком не было. Мама очень рано поступила в Орден Часов Попятого Времени, в таком возрасте даже в начальную школу мало кого отдают. А вскоре после того, как Магистр Маба распустил Орден, она родила сына – то есть меня. И все это, по ее словам, вышло

прекрасно, ей очень понравилось, но теперь неплохо бы еще побыть веселой юной девчонкой, живущей в свое удовольствие и совершающей как минимум дюжину безобидных девичьих глупостей в день. Просто чтобы на личном опыте, а не с чужих слов узнать, что при этом чувствуют, закрыть вопрос и больше к нему не возвращаться. Мама спросила, справлюсь ли я без нее и не обижусь ли. Я сказал, что все в порядке. Отговаривать ее было бы свинством, тем более что я понимал ее как никто. После этого разговора мама повернула свое личное Колесо Времени, благо для женщин их Ордена это довольно простое дело, и была такова. Я, конечно, твердо обещал, что не стану ее искать или просто тайком вызнавать новости о ее жизни. А все-таки ужасно интересно, где она и как поживает. То есть по большому счету понятно, что хорошо, но хотелось бы подробностей. Впрочем, я уверен, что мама, сочувствуя моему любопытству, регулярно сообщает мне вожделенные подробности во сне, а я, верный данному слову, честно забываю их сразу после пробуждения. Очень похоже на нас обоих!

– Зато ты не забываешь ее науку, – заметил Франк. – Это, поверь мне, не просто немало, а гораздо больше, чем можно себе пожелать – даже в хороший день, от чистого сердца.

– Это правда. Так вот, кроме прочего, мама научила меня противопоставлять страху рассудительность и здравый смысл. Поэтому я очень долго сидел на том грешном заборе, который вдруг оказался границей между привычной реальностью и чем-то совершенно на нее не похожим. Взвешивал все «за» и «против», старался принять разумное решение. Не могу сказать, будто это мне удалось. Просто пока думал, успел более-менее свыкнуться с ситуацией. Почти перестал бояться. А вместе со страхом прошло желание рассуждать. Тогда я просто взял да и спрыгнул. А прыгать гораздо удобней вперед, чем назад. Вот и все.

– Надо будет взять этот способ на вооружение, – сказал Макс. – Результат, конечно, примерно тот же, зато процесс, предваряющий совершение очередной глупости, внушает самоуважение. А куда ты, собственно, спрыгнул? Если, как ты говоришь, там ничего не было?

– Это очень хороший вопрос. Потому что сперва я действительно прыгнул в никуда. И какое-то время ничего не происходило – ну, кроме самого прыжка. Не знаю, как шло для меня время и шло ли оно хоть как-то, но, по моим ощущениям, прыжок длился четверть часа, не меньше. Так что я успел как следует испугаться и снова включить голову. А включив, понял, что поспешил. Прежде

чем прыгать, надо было выбрать, куда я хочу приземлиться. Не факт, что мое решение непременно повлияло бы на результат, а все-таки любая фантазия гораздо лучше, чем вообще ничего – если уж выбирать приходится между этими двумя вариантами. По крайней мере, я мог бы вообразить какую-нибудь прекрасную цель и быть счастливым все время, пока тянется бесконечный прыжок, – думая, будто я к ней приближаюсь. Пришлось делать это прямо на ходу, вернее, в полете. В смысле фантазировать. Ничего оригинального мне в голову не пришло, поэтому я просто представил себе сад – почему-то не свой, а соседский. Может, потому, что регулярно подглядываю через щель в заборе, как там у них все устроено, а в гости до сих пор ни разу не заходил – соседи люди приветливые, но замкнутые, сами не зовут, а напрашиваться я стесняюсь. В общем, я вообразил, будто тайком проник в соседский сад, и тут же приземлился в центре свежевскопанной клумбы. К счастью, там еще ничего не успели высадить, а то натворил бы я бед. Ну, условно натворил бы, поскольку этот соседский сад все же был плодом моего воображения. Столь достоверным, что я бы поверил в него, не задумываясь, если бы не запахи. Вернее, полное их отсутствие. Причем решить, будто я просто напрочь лишился обоняния, как несколько раз уже случалось от всяких колдовских порошков, я при всем желании не смог бы: мои-то запахи были на месте, включая медовый аромат леденца, каким-то образом оказавшегося в кармане лоохи – дети, видимо, сунули. За что им большое спасибо – леденец я немедленно достал и сунул за щеку, хотя не люблю такие конфеты. Но в тот момент я грыз леденец, как принимают лекарство. Как будто еда из дома могла сделать меня более материальным. Я был уверен, что это мне сейчас не повредит.

– Потрясающе, – вздохнул Макс. – Соседский сад. Вскопанная клумба. Леденец за щекой. Вот так у нас нынче выглядит путешествие через Коридор между Мирами. Таковы новейшие тенденции сезона. Мама дорогая. Я в сравнении с тобой скучный хмырь. Все остальные – тем более.

– Так это и был Коридор между Мирами? – обрадовался Нумминорих.

– По идее, да. Попал же ты в итоге сюда – каким-то непонятным мне образом.

– Наверное, штука в том, что я этого не знал. Поэтому все так по-дурацки получилось.

– Ничего себе – по-дурацки! По-моему, отлично вышло. Все лучше, чем зеленеть от ужаса, наслушавшись чужих мистических баек. Впрочем, меня-то, помню,

никто особо не пугал, напротив, успокаивали. Но я все равно буйно зеленел – по крайней мере поначалу, потом-то освоился. А твоя версия мне нравится гораздо больше. Особенно леденец.

– Это потому, что ты ничего не ешь, – заметил Франк. – Завидовать чужому леденцу с таким куском пирога на тарелке по меньшей мере непрактично.

– Твоя правда. Сейчас исправлюсь. Только дослушаю и сразу за пирог.

– Тогда я постараюсь рассказать побыстрее, – пообещал Нумминорих. – Совсем чуть-чуть осталось. После того, как леденец оказался за щекой, мне здорово полегчало – если можно так выразиться. Потому что на самом деле наоборот – потяжелело. То есть я сам потяжелел. Почувствовал собственный вес – так, что ли? И землю под ногами. Вернее, под задницей – я же не стоял, а сидел там, где приземлился. И от этих простых и внятных ощущений я успокоился и собрался. И огляделся. Увидел, что рядом на земле лежат ключи – целая связка. И вот ключи, в отличие от воздуха, земли и садовых растений, пахли, да еще как! Я, конечно, имею в виду не интенсивность запаха, а его необычность. Потому что, с одной стороны, я различал запах металла, вернее, разных металлов. И масла, которым их смазывали – похоже, очень давно. И деревянного ящика, где они, как я понимаю, довольно долго пролежали. Я могу спорить, что кроме ключей в этом ящике хранили бумагу и еще орехи неизвестной мне разновидности. Вообще все было неизвестной мне разновидности – и бумага, и древесина, и масло, и металлы. словно их привезли из далекой страны, где я никогда не бывал, ни одного тамошнего жителя в глаза не видел, и даже их товары ни разу не попадали мне в руки.

– Ну, собственно, примерно так и есть.

– Теперь это ясно. А тогда ясно не было ничего – ровно до того момента, когда среди всех этих незнакомых запахов я учуял твой. Совсем слабый, как будто ты держал эти ключи, надев чужие перчатки. Но какая разница. Главное, что я тебя наконец-то унюхал. И вот тогда все сразу встало на свои места. Я сунул ключи в карман, встал и пошел – неведомо куда, но определенно к тебе в гости. Нечего и говорить, что конечная цель путешествия меня устраивала. И больше ничего не могло испугать. Потому что если в этом деле хоть каким-то боком замешан ты, сэр Макс, значит, все в полном порядке... Ну чего ты смеешься? Да, мне сто раз говорили, что на самом деле ты совершенно ужасный. И даже сам не догадываешься насколько. Но мне так и не удалось в это поверить. Впрочем, не

стану врать, будто я очень старался. Попробовал пару раз и бросил – бесполезное занятие.

– Ну и правильно, – сказал Макс. – Если однажды все-таки начну догадываться, насколько я ужасен, ты меня успокоишь. А теперь рассказывай, что было дальше.

– Да почти ничего. Я просто пересек соседский сад – то есть пространство, которое им казалось. Думал, что опять уткнусь в стену и через нее придется лезть, но вместо стены там был туман. Я вообще люблю туманы, а этот показался мне откровенно дружелюбным, как большая собака, хотя, по идее, что может быть общего у тумана с собакой? Тем не менее я чувствовал, что он буквально подпрыгнул от восторга, увидев меня. Да я и сам, честно говоря, подпрыгнул – просто от полноты чувств. И пошел дальше. Туман оказался очень густой, я собственных рук не видел. Зато в нем появились запахи. Очень много запахов, по большей части незнакомых. Поначалу они были совсем слабыми, но к тому моменту, как туман рассеялся и я вышел к вам, у меня уже голова кругом шла, а от способности соображать вообще ничего не осталось. С другой стороны, оно и неплохо, а то я бы взорвался от разных вопросов.

– Да, я думал, ты как минимум сутки меня расспрашивать будешь. И заранее сочинял ответы; впрочем, не могу сказать, что они кажутся удовлетворительными мне самому.

– Конечно, у меня были вопросы – целый миллион! Но оказалось, что твое присутствие само по себе ответ. Настолько полный, что даже как-то глупо начинать выяснять разные малозначительные подробности. А теперь ешь спокойно. Я уже все рассказал.

– Это тебе только кажется, – улыбнулся Франк. – Считай, что еще и не начинал. Будешь теперь рассказывать и рассказывать, всю ночь напролет. Такова ужасная участь всех гостей твоего друга Макса. Не зря тебя добрые люди предупреждали на его счет.

– Да я и не против. Я очень люблю поговорить. Только не знаю, о чем еще вам рассказать. Вроде больше ничего по дороге сюда не случилось.

– Да Магистры с ней, с дорогой. Рассказывать можно о чем угодно, – успокоил его Макс. – Священное правило этого дома: каждый новый гость платит за кофе какой-нибудь интересной историей. Правда, мы еще не выяснили, нравится ли тебе кофе. Но если что, твою порцию выпью я. Так что все, можно сказать, улажено.

– С чего вдруг такие предосторожности? – изумился Франк. – До сих пор мой кофе нравился всем.

– Ну как тебе сказать. Джуффин, к примеру, до сих пор вздрагивает при всякой моей попытке проявить гостеприимство. В жизни не подозревал, что он такой консерватор! Впрочем, сейчас я просто стараюсь облапошить нашего гостя и заблаговременно оттяпать честно оплаченную им порцию. Возможно, после этого Нумминорих все-таки поверит, что я действительно ужасен – как его с самого начала и предупреждали добрые люди. И наконец-то испугается.

– В любом случае пугаться уже поздно, – рассудительно заметил Нумминорих. – Влип я с тобой – дальше некуда. И хвала Магистрам, что так. А что за историю надо вам рассказать? Сказку? Легенду? Или просто о себе? Какой-нибудь интересный случай?

– Просто о себе, – сказал Франк. – Интересный случай – именно то, что надо. Хотя большинство рассказанных здесь историй тянут как минимум на легенду. Но это как раз нормально. Всякий человек – живой миф. Вопрос лишь в том, способен ли он внятно изложить собственное содержание. Но до сих пор наши гости отлично справлялись.

– Истории обо мне не очень-то похожи на легенды и тем более на мифы, – улыбнулся Нумминорих. – Но довольно часто напоминают волшебные сказки. Наверное, потому, что, когда мама рассказывала сказки мне на ночь, я был уверен, что именно такова настоящая жизнь. Думал, и сам буду так жить, когда вырасту, – чем я хуже прочих взрослых? К счастью, я не ошибался. Ну, почти не.

– Если тебе все равно, о чем рассказывать, пусть это будет какая-нибудь совсем свежая история, – попросил Макс. – Все-таки ужасно интересно, что там у вас без меня творится. Иногда вскрываются такие леденящие кровь подробности, что чокнуться можно. Один только сэр Шурф в роли нового Великого Магистра Семилистника чего стоит. Но я пережил даже это мистическое откровение. И

хочу еще.

– А кстати, в последнее время случилось много интересного, – оживился Нумминорих. – Особенно когда я ездил в Тубур. Хотя об этом ты и сам знаешь.

– Я?! Понятия не имею.

– Правда? А я думал... Впрочем, ладно. Тем более, значит, надо об этом рассказать.

Триша наконец опомнилась. Сейчас будет история! А меж тем яблочный пирог еще не на столе. А «злодейский» – который со сливами и с перцем – вообще томится в погребе, и если не поставить его в печь прямо сейчас, будет безвозвратно загублен. И потом кофе, ради которого, по идее, будет стараться гость. Его же еще надо сварить! «Самая бестолковая в мире хозяйка – я, – печально подумала Триша. – Прежде такого не бывало».

– Ты просто заслушалась, – утешил ее Франк. – Да и я тоже. Спасай пироги, а я пока сварю кофе. У меня тут грушевые лепестки с весны в шкатулке лежат, все берег неизвестно для какого случая – вот и пущу их в дело. Самому интересно, что получится.

Полчаса спустя, когда с хлопотами было покончено, яблочный пирог разрезан и разложен по тарелкам, злодейский благополучно отправлен в печь, а огонь под кофе погашен, Франк поставил на стол свои песочные часы.

– Среди сказок, под которые я засыпал в детстве, как раз была одна о песочных часах, способных остановить время, – обрадовался Нумминорих. – Ну, то есть не то чтобы совсем остановить, просто для хозяина часов проходило несколько лет, а за порогом его дома – меньше секунды. Это, случайно, не они?

– Под хорошие сказки ты в детстве засыпал, – покачал головой Франк. – Поздравляю, дружок, вот и еще одна из них сбылась для тебя. Впрочем, несколько лет – это, на мой взгляд, чересчур. Думаю, нескольких часов вполне достаточно. Там, за порогом дома, тоже интересная жизнь. Было бы обидно остановить ее надолго.

– Несколько часов – именно то что надо, – согласился Нумминорих.

И принялся рассказывать.

Тубурская игра

История, рассказанная сэром Нумминорихом Кутой

Как страстный читатель чужих дорожных дневников, исторических хроник и просто мемуаров, я знаю, что прежде, чем приступить к изложению событий, следует хоть немного рассказать о главном действующем лице – то есть о себе. Потому что одна и та же история может измениться до неузнаваемости, утратить или, наоборот, обрести дополнительный смысл – в зависимости от того, с кем именно произошла.

В детстве, решая знакомые всем постигающим основы арифметики задачи о человеке, который добирается из одного города в другой, то и дело меняя транспорт, а значит, и скорость передвижения, я всегда расспрашивал учителя о характере вымышленного путешественника, его возрасте, склонностях, привычках и цели поездки. Бедняге приходилось импровизировать на ходу; в зависимости от сочиненных им подробностей менялся мой ответ, потому что в одних случаях я делал поправки на задержки в трактирах и болтовню с друзьями, в других, напротив, увеличивал скорость, указанную в условиях, – ясно же, что, когда человек по-настоящему спешит, его желанию успеть повинуются не только собственные ноги и кони, но даже автомобили и корабли. Если учитель говорил, что наш герой неудачлив, я сразу умножал полученный результат на два или даже пять – поправка на непредвиденные задержки и прочие неприятности. Если же выяснялось, что герой задачи – ссыльный Магистр или просто опытный колдун, результат долгих подсчетов немедленно аннулировался – понятно, что он просто пойдет Темным Путем, наплевав на то, что случайно стал главным действующим лицом дурацкой детской задачи по арифметике. Могущественного человека такой ерундой не проймешь, он все повернет по-своему.

Сейчас я сам – кто-то вроде такого героя. Тем более что речь пойдет именно о путешествии. Разнообразных способов передвижения, задержек в трактирах, а также поправок на удачу и прочие обстоятельства будет предостаточно.

Впрочем, самое важное обо мне вы уже знаете: я – нюхач, то есть человек с чутким носом. Принято говорить: «с обостренным обонянием», но, на мой-то взгляд, оно у меня нормальное, а у остальных людей обоняния нет вовсе.

Это, как я обнаружил, прожив на свете полторы сотни лет, гораздо более важное отличие, чем может показаться. Я сам довольно долго не понимал, сколь велика разница между мной и прочими людьми. С вашей точки зрения, я – что-то вроде укрощенного демона Красной Пустыни, которые по прихоти своих хозяев живут среди людей, выглядят как люди, ведут разумные речи, совершают понятные поступки и даже с удовольствием едят человеческую пищу, но, побеседовав с таким по душам, вдруг выясняешь, что вместо твоего лица он видит перед собой сноп зеленого огня. И вместо других людей, зверей, домов, деревьев, земли, неба и полноводных рек – только живое пламя, цвет и яркость которого дают ему столько информации об объектах, что нам и не снилось. И вот поди с таким договорись!

В юности я любил развлекаться, с ходу выдавая новым знакомым информацию о них. Не исчерпывающую, конечно, но им хватало. Даже вы, наверное, не представляете, как много можно узнать о человеке по запаху. Происхождение, например, выяснить проще простого, а семейную историю многие предпочитают скрывать – не знаю почему. Люди от меня в ту пору шарахались, мало кому нравится ощущать себя открытой книгой. И только мне, дураку, казалось, это очень весело – сам-то я не имел ни тайн, ни секретов, ни даже теоретического понимания, зачем что-то скрывать. Понадобилось несколько лет, ряд озадачивших меня ссор и одно в высшей степени откровенное объяснение, чтобы я осознал собственную бестактность и навсегда зарекся приставать к окружающим с подобными фокусами. И заодно окончательно уяснил, что другие люди ничего не узнают обо мне в первую же минуту, принюхавшись, поэтому все, что я хочу о себе сообщить, надо излагать внятно и последовательно, не рассчитывая на то, что собеседник самостоятельно заполнит лакуны.

К счастью, я уже успел научиться более-менее связно рассказывать, хотя мне по-прежнему кажется, что это странная и причудливая идея – описывать самого себя при помощи слов. Вот он я, здесь, перед вами, весь, целиком, – вдыхайте и знайте, чего ж еще.

Штука, конечно, в том, что язык запахов для меня родной, а язык слов – что-то вроде иностранного, выученного в детстве, но не в самом младенчестве, а чуть позже, когда мама спохватилась, сообразив, что все нормальные дети в этом возрасте уже не только говорят, но и понемногу начинают читать. И нашего с ней внутреннего языка, больше похожего на понимающее молчание, чем на Безмолвную речь, совершенно недостаточно для полноценной коммуникации с прочим миром. Который объективно существует, а потому лучше с ним ладить.

Что-что, а ладить с миром мама умела и меня научила. Мне с ней вообще очень повезло.

Если бы я взялся рассказывать о маме нюхачу вроде меня самого, я сказал бы только, что от нее пахло свежим травяным хлебом, горячим песком, первым часом зимнего карнавала и еще морем, как от всех потомков прибрежных жителей. А чужие запахи к ней почти не приставали. Даже проведя несколько часов на Сумеречном Рынке, мама пахла только собой и совсем чуть-чуть заморскими пряностями – ровно настолько, чтобы не требовалось объяснять, где была.

В переводе на человеческий язык все вышесказанное означает, что мама была надежной, непоседливой, умной и очень веселой. А фирменная орденская отрешенность, временами доходившая до чудачества, не мешала ей твердо, обеими ногами стоять на земле и даже заставлять реальность плясать под ее дудку. По крайней мере, ту малую часть реальности, которая отвечала за наше с ней благополучие и безопасность.

Мама еще в детстве вступила в Орден Часов Попятного Времени. Если бы среди женщин этого Ордена существовало хоть какое-то подобие иерархии, можно было бы сказать, что мама занимала в ней очень высокое место. Она, несмотря на молодость, была настолько могущественной ведьмой, что Великий Магистр Маба Калох регулярно приглашал ее потанцевать на Мосту Времени, а этим мало кто мог похвастать. Но все это я узнал гораздо позже, из бесед с людьми, знавшими ее в ту пору, когда меня еще не было на свете. А в детстве мама была для меня просто мамой. Я думал, у всех примерно такие.

Когда в начале Смутных Времени Маба Калох распустил Орден Часов Попятного Времени, он великодушно поделил орденское имущество между беднейшими адептами – теми, кто не имел ни собственных средств, ни обеспеченной родни и,

покинув орденскую резиденцию, остался бы даже без крыши над головой. Так маме достался просторный двухэтажный дом на улице Светлой Ночи, в котором прошло мое детство. Тогда этот район считался пригородом, да и сейчас он – отдаленная окраина, где, при желании и определенном везении, все еще можно поселиться бесплатно, просто изъявив согласие присматривать за домом, владелец которого и рад бы продать свою недвижимость, да покупателей не находится. Я, кстати, не знаю почему. Тихий, приятный, пропахший сыростью, цветами и рыбой квартал за Речным Портом, где как попало проложены кривые дорожки, а за всяким кустом может скрываться сколоченная на скорую руку хибарка или обветшавший особняк времен династии вурдалаков Клакков, никогда заранее не угадаешь. И, вопреки распространенным представлениям об опасных городских окраинах, у нас даже в Смутные Времена, на самый конец которых пришлось мое детство, было так спокойно, что мама с легким сердцем отпускала меня гулять, где душа пожелает, и играть с кем угодно, заручившись лишь обещанием вернуться к обеду, которое я, конечно, вечно нарушал, а она и не думала беспокоиться.

Сейчас я догадываюсь, что столь мирная обстановка, скорее всего, была маминой заслугой. Причем она могла даже не читать никаких заклинаний, просто сказать: «Дорогая улица, ты мне очень нравишься, давай мы с сыном будем тут хорошо жить, пусть нас никто не трогает» – и дело в шляпе. Что-что, а договариваться с окружающим миром умели даже послушники Ордена Часов Попятного Времени. А кто не умел, надолго там не задерживался.

Мне долго казалось, что детство у меня было очень хорошее, но вполне обыкновенное, как у всех. Однако когда я рассказывал о нем будущей жене, Хенна то и дело перебивала меня восклицаниями: «Не может быть!» Только тогда я начал понимать, что наша с мамой жизнь была не совсем похожа на обычную. Точнее, совсем не похожа. Но главное, что нам она нравилась.

Моим отцом был Карвен Кута, один из Младших Магистров Ордена Водяной Вороны, единственный сын знаменитой в то время знахарки Ти Учиё, маминой ближайшей подруги. Самое примечательное, что можно сказать об отце, – он так и не узнал маминого имени, а погиб за пять с лишним дюжин лет до моего рождения. Впрочем, все это говорит не столько о нем, сколько о маминой манере устраивать дела.

Мама, как я понимаю, очень любила свою подругу. А та много лет безутешно горевала, что единственный сын погиб, не оставив ей внуков. Хотя, казалось бы, чего проще! В те времена столичные красавицы сами вешались на шею мальчикам из Ордена Водяной Вороны, мечтая родить ребенка от любого из них. Это почему-то считалось большой удачей и выдающимся деянием, хотя никто не мог толком объяснить, в чем, собственно, заключается доблесть и какого рода выгоду можно получить от младенца, ничем не отличающегося от прочих детей. Однако Карвен Кута почему-то не воспользовался благоприятными обстоятельствами и не оставил своей матери ни единого внука. Что приводило старую знахарку в полное отчаяние, а при ее профессии это совершенно недопустимо – если слишком долго горевать, можно утратить целительский дар, и тогда жизнь окончательно лишится смысла.

Дело кончилось тем, что мама, движимая состраданием и отчасти азартом, разбирающим обычно всякого человека, вознамерившегося совершить нечто невозможное, сказала подруге: «Будет тебе внук». Перешла Мост Времени, и для нее снова наступил давным-давно прошедший год, когда Младший Магистр Карвен Кута был еще жив, здоров и исполнен великих планов. В такую возможность, я знаю, мало кто верит; большинство сведущих людей скажут вам, что прошлого, как и будущего, вообще не существует, следовательно, идти по Мосту Времени попросту некуда. Там можно только стоять и смотреть, как сменяют друг друга иллюзорные картины, одна другой слаще, все до единой – несбыточные. Звучит чрезвычайно убедительно. Но факт остается фактом: некоторым ученикам Магистра Мабы Калоха изредка удается пересекать Мост Времени, по крайней мере в том направлении, которое называется «прошлым», а потом благополучно возвращаться в свое «сегодня». И мама из их числа.

По маминым словам, соблазнить моего отца оказалось трудней, чем иную юную девицу, воспитанную строгими опекунами и полагающую Квартал Свиданий самым страшным местом в городе. Однако она всегда умела добиваться своего. А добившись, вернулась домой и тут же отправилась к подруге, чтобы сообщить ей добрую весть. Сказала: «Дело сделано», – и счастливее Ти Учиё не было человека в Соединенном Королевстве.

Мама предполагала, что отдаст ребенка бабке и все пойдет по-прежнему, но жизнь рассудила иначе. Незадолго до моего рождения старая знахарка погибла, возвращаясь от пациента, – случайно оказалась в эпицентре драки разбушевавшихся молодых Магистров не знаю уж каких Орденов. Так что маме пришлось еще на сорок с лишним лет отложить свои дела и заняться моим

воспитанием.

Эту историю я узнал, когда стал достаточно взрослым, чтобы вступить в права на наследство. И, честно говоря, ужасно зазнался – часа на полтора. Выяснить, что еще до рождения совершил путешествие по Мосту Времени, – от такого у кого хочешь голова кругом пойдет. Потом я все-таки опомнился, сообразил, что моей заслуги тут нет, и снова стал нормальным человеком – чрезвычайно довольным, что бабкино наследство позволит жить, как мне нравится, и одновременно донельзя опечаленным невозможностью ее за это отблагодарить.

Вскоре после откровенного разговора о моем происхождении и прочих интересных вещах мама покинула меня, намереваясь повернуть вспять свое личное Колесо Времени и еще раз прожить молодость, почти целиком потраченную на учебу в Ордене и возню со мной. Я согласился с ее решением, хотя, конечно, было досадно расставаться именно сейчас, когда я наконец-то вырос и мы, как мне казалось, могли бы стать настоящими друзьями.

Напоследок мама попросила прощения за то, что никогда не учила меня магии. «Дело, – сказала она, – даже не в Кодексе Хрембера, который, помяни мое слово, и двух столетий в таком нелепом виде не продержится. Но, стань я твоей учительницей, мне еще очень долго пришлось бы неотлучно при тебе находиться. А это неправильно: дети и родители не должны всю жизнь путаться друг у друга под ногами, даже такие любящие, как мы с тобой».

Что скрывать, после такого вступления я, конечно, надеялся услышать, что теперь моим обучением займется кто-нибудь из маминых могущественных друзей, которые часто у нас гостили. А то и сам сэр Маба Калох, чем только Темные Магистры не шутят! Но вместо этого я получил невнятное обещание – дескать, если суждено, рано или поздно магия придет за мной сама, и уж тогда от нее просто невозможно будет отвертеться. А если нет, насилием над судьбой дело не поправишь.

«Все, что ты сейчас можешь, – жить в свое удовольствие, делать что нравится, а чего не нравится – ни в коем случае не делать, – сказала она. – И одновременно всегда быть наготове. Потому что случиться может вообще все что угодно – в любой момент. И представляешь, как обидно будет не заметить, что оно случилось?»

Это был прекрасный совет. И к выполнению первой его части я приступил немедленно, рассудив, что когда-нибудь сумею понять вторую. И, может быть, даже ею воспользоваться, чем только Темные Магистры не шутят.

Оставшись один, я тут же поехал в Нумбану и поступил в тамошний университет – как некоторые юноши бросаются в свой первый загул, с трепетом и полной самоотдачей. Я, конечно, больше хотел учиться в столичном Королевском Университете или в Высокой Школе, но опасался, что хаотического домашнего образования, полученного в основном из книг и маминых игр, при не слишком активном участии постоянно сменяющих друг друга учителей-студентов, окажется недостаточно, чтобы сдать вступительные экзамены в столице. Теперь-то я думаю, что, скорее всего, ошибался, но тут уж ничего не поделаешь. К тому же годы учебы в Нумбане были прекрасным временем, да и курс истории магии, которая стала моей первой специализацией, у нас вел сам профессор Тумба Бумбиар, высланный из Угуланда за слишком явные симпатии к некоторым мятежным Орденам, а это огромное везение, поверьте мне на слово.

Процесс обучения оказался даже более захватывающим, чем я представлял в самых пылких мечтах. Я, конечно, понимаю, какое впечатление может произвести подобное признание. То ли я безбожно вру, то ли просто придурок, каких еще не рождалось. Подросток, впервые в жизни оставшийся без присмотра, да еще и с кучей денег, бегом бежит учиться – такую ерунду даже в «Притчах, воспитующих юношество» времен эпохи Клакков постеснялись бы рассказывать. Однако для меня учеба оказалась удовольствием похлеще тех, что можно получить от выпивки, пилюль из лумукитанского мха, шиншийских курительных порошков, куанкурохских грибов и куманской любовной магии, вместе взятых. И не только потому, что учиться было интересно, хотя это тоже очень важно. Но самое главное – человеку с обостренным восприятием вроде меня необходимо постоянно чем-то себя занимать, на полную мощность включать ум, в любой момент готовый умолкнуть под тяжестью избыточных чувственных впечатлений. Строго говоря, я напряженно учился, чтобы как следует расслабиться и отдохнуть. К счастью, мама очень рано подсказала мне этот метод, в противном случае я, скорее всего, вырос бы полным идиотом, неспособным внятно поговорить даже с самим собой.

Как всякий человек, пристрастившийся к сладкому зелью, в учебе я был алчен, неутомим и постоянно хотел добавки. Поэтому, досрочно закончив Нумбанский Университет, вернулся в Ехо, поступил в Королевскую Высокую Школу, и все

понеслось по новой. На сей раз я решил сосредоточиться на дисциплинах, так или иначе связанных с языком, рассудив, что даже если не стану выдающимся ученым, то, по крайней мере, наконец научусь связно выражать свои мысли – лучше поздно, чем никогда.

Сдав выпускные экзамены в Высокой Школе, я отказался от всех предложений, среди которых были довольно соблазнительные, вроде исследовательской должности на кафедре истории древней речи, и уехал в Кумон, намереваясь продолжить учебу в тамошней Высшей Светлой Школе. Чему я там на самом деле научился, так это приятно проводить время, не прибегая к своему излюбленному средству – учебникам. Наука чрезвычайно полезная, и я рад, что сумел ее усвоить, однако ее не хватало, чтобы занять меня целиком. Поэтому всего полдюжины лет спустя я вернулся в Ехо и поступил в Школу Врачевателей Угуланда. Вот где было по-настоящему трудно учиться – именно то, что мне требовалось после бесконечного праздника в Кумоне. Я не раз слышал, что человек без призвания вообще не способен осилить знахарскую науку. Это похоже на правду, но я все же худо-бедно справился, хотя блестящими мои успехи, конечно, не назовешь.

Чтобы вознаградить себя за усердие и уравновесить тяжелые впечатления радостными, на каникулах я много путешествовал и так вошел во вкус, что, получив диплом знахаря, немедленно записался в Высокую Корабельную Школу. И вот это было настоящее счастье. Достаточно сказать, что все годы учебы сопровождалось запахом моря и корабельного дерева, а слаще этого сочетания, по-моему, вообще ничего не бывает. Так что я оказался довольно бестолковым студентом: совершенно не мог взять себя в руки и как следует сосредоточиться на учебе. Хотя нельзя сказать, что я так уж старался. Ближе к окончанию даже нарочно провалил пару экзаменов и прогулял береговую практику, лишь бы остаться на второй год и поучиться там подольше.

Тогда же я женился на одной из своих сокурсниц. Запах Хенны был похож на мамин – морская вода, гугландский травяной хлеб, горячий пунш на зимнем ветру – и поначалу я решил, они кухни или, скажем, племянница и тетка, просто давным-давно потерялись и не знали друг о друге, так иногда бывает. Но Хенна очень хорошо изучила историю своей семьи и быстро доказала, что мы с ней не родня, разве что далекие предки обоих были жителями побережий, впрочем разных. Сходство ее запаха с маминым свидетельствовало не о кровном родстве, а о близости характеров. Я быстро понял, что нашел самого лучшего друга, какой только может у меня быть, а еще несколько лет спустя мы с Хенной

решили, что прекрасно уживемся под одной крышей, поэтому глупо продолжать ежедневно ходить друг к другу в гости и спорить, где сегодня будем ночевать.

Кто больше всех выиграл от нашего брака, так это отец Хенны, сэр Глэгги Айчита. Он погиб в конце Смутных Времен и был вынужден сделаться призраком, чтобы присматривать за юной дочерью и своим бизнесом – старейшей антикварной лавкой Ехо, которая существовала чуть ли не со дня основания города и была не просто доходным семейным делом, но историческим памятником, официально признанным достоянием Соединенного Королевства. В конце концов среди первых покупателей числился сам Халла Махун Мохнатый, пожелавший обставить свою королевскую спальню мебелью дочерей Ульвиара Безликого, а это уже не шутки.

Мать Хенны, как все женщины Ордена Потаенной Травы, не испытывала интереса ни к детям, ни к имуществу, поэтому полагаться на нее было бы полным безумием. Сэр Глэгги прекрасно это понимал и принял меры, чтобы смерть не помешала ему заниматься семейными делами. Кстати, он стал единственным призраком, получившим официальное королевское разрешение находиться в столице, вопреки соответствующей статье Кодекса Хрембера. Документ, лично подписанный Его Величеством Гуригом Седьмым, до сих пор занимает почетное место на стене над прилавком, поэтому в лавке у Хенны вечно толкуются студенты-юристы, рассматривают историческую диковину, спорят, можно ли считать случай Глэгги Айчиты прецедентным или же он был обусловлен уникальным стечением обстоятельств и не имеет шансов когда-либо повториться. Ужасно забавно наблюдать, как ежегодно меняются лица дискутирующих, а диалоги звучат все те же, как по писаному, чуть ли не слово в слово.

По словам Хенны, с годами покойный сэр Глэгги стал тяготиться своим положением и страстно мечтать о долгом путешествии за край Вселенной, хотя виду, конечно, не подавал, и жалоб от него никто не слышал. Когда Хенна выросла и решила пойти в моряки, бедняга окончательно приуныл – понял, что лавку придется сторожить еще долгие годы, возможно, вообще всегда, до скончания времен.

И тут вдруг, как по волшебству, появляюсь я, строптивая наследница прячет новенький капитанский диплом в шкатулку и любезно соглашается продолжить семейное дело, если уж все равно решила остаться на берегу. Нам с Хенной не хотелось надолго расставаться, а найти два места помощника капитана на

одном корабле, да еще для новичков, которых и так-то берут неохотно, – дело совершенно немыслимое.

Счастью внезапно освобожденного от обязательств призрака не было предела. Его свадебным подарком мне стало официально зарегистрированное название безымянной прежде лавки: «Мелочи от Кута». Я, признаться, вовсе не жаждал увековечить свое имя при помощи уличной вывески, но отказываться было неловко, да и, в любом случае, поздно: неутомимый сэр Глэгги уже все обстряпал, хотя переименовать лавку, имеющую статус государственной исторической реликвии, вовсе не так просто, как кажется. Во всех государственных учреждениях у него обнаруживались приятели юности, а дар убеждения не действовал разве только на родную дочь, но это как раз понятно – Хенна просто успела привыкнуть.

Потом мы жили долго и счастливо, как самые настоящие герои волшебной сказки. С той только разницей, что для сказочных персонажей это обычно финал истории, а наша с Хенной жизнь только начиналась. Она, собственно, и сейчас только начинается. Думаю, сто лет спустя я скажу о нас то же самое.

Дела в Хенниной лавке процветали; самое удивительное, что она всерьез увлеклась антикварным делом. И, похоже, с каждым годом ее затягивает все сильнее. Говорит, прежде полагала, будто торговля подержанным барахлом – просто довольно дурацкий способ зарабатывать до нелепости большие деньги, а стоило копнуть чуть поглубже, и вдруг выяснилось, что в некоторых старых вещах магии больше, чем в древних легендах, – особенно для того, кто с детства обучен кое-каким фокусам, позволяющим смотреть на вещи не только глазами. И не просто смотреть.

Когда у нас родился сын, а два года спустя дочка, мне пришлось взять на себя большую часть Хенниных дел, и это был чрезвычайно интересный опыт, хотя учеба все равно нравилась мне гораздо больше, чем торговля. Впрочем, частные уроки, которые я время от времени брал у скульпторов, кулинаров, актеров и оружейников, помогли мне не затосковать. Потом дети немного подросли, Хенна наняла для них несколько покладистых няnek и вернулась в лавку, а я наконец осуществил свою заветную детскую мечту – поступил в Королевский Университет. Забавно, что именно с него я когда-то хотел начать свое образование, да все как-то не решался. Словно предчувствовал, что вылету из университета, как распоследний болван. И ведь действительно вылетел, не

закончив курс. Правда все-таки не по причине неуспеваемости, чего ужасно боялся в юности, а потому что в водах Хурона поселилось неведомое чудовище, насылающее на всех подряд тяжкие сны о зеленой воде, и присутствующий здесь сэр Макс сперва спас меня от этой напасти, а потом позвал работать в Тайный Сыск.

С его точки зрения, это было вполне обычное дело – встретил хорошего нюхача, да еще и с легким характером в тот самый момент, когда Малое Тайное Сыскное войско осталось без Мастера Преследования, внезапно укатившей в Арварох, – почему бы не воспользоваться случаем? Остальные Тайные сыщики тоже быстро сообразили, насколько мой нос облегчит их жизнь. И вакансия нашлась – какие проблемы? Но для меня приглашение на службу стало настоящим чудом, необъяснимым и совершенно невозможным. Как если бы, скажем, мост Гребень Эхо, по которому я хожу чуть ли не ежедневно, вдруг превратился в самый настоящий Мост Времени из маминых рассказов. И я восхожу на него, весь такой бесстрашный и вдохновенный, а на другом конце стоят легендарные маги древности, машут мне руками и разноцветными флажками, и сам король Мёнин держит плакат: «Добро пожаловать, сэр Нумминорих». Уж насколько я мечтатель, а подобные сцены уже годам к двадцати перестал воображать, осознав, как это глупо.

Самая страшная опасность в моей жизни подстерегала меня в первый день службы. Когда я пришел в Дом у Моста, сэра Макса, к которому я уже более-менее привык, там не было. Зато были все остальные, каждый – живой миф, и я так смутился, что еще немного, и, пожалуй, повторил бы трагическую историю легендарного Застенчивого Магистра Гримлиха Ухурлеиса, который, как рассказывают, был приглашен на свадьбу своего друга, где ему предстояло веселиться в обществе нескольких дюжин незнакомых людей, и сперва художественно держался, но когда начались танцы, бесследно исчез от смущения и с тех пор так нигде и не объявился.

Но у меня, хвала Магистрам, гораздо меньше могущества, чем у древних колдунов. Думаю, только поэтому я и уцелел. А потом понемногу привык, и тогда для меня началась жизнь настолько прекрасная и удивительная, что никакими словами не расскажешь. Она, собственно, до сих пор продолжается. И есть у меня предчувствие, что не закончится никогда, даже если я сделаю глупость и умру на самом интересном месте. Призраков иногда держат на государственной службе, я узнавал. Например, в Вольном городе Гажине вообще весь местный Тайный Сыск – призраки. Выяснив это, я окончательно успокоился на свой счет.

За все время работы в Тайном Сыске у меня было только несколько по-настоящему плохих дней – когда я терял нюх. Пока не стал Тайным сыщиком, даже не подозревал, какую кучу всяких дрянных зелий придумали специально для того, чтобы притупить обоняние. При том, что нас, нюхачей, очень мало, лично я за всю жизнь и дюжины не встретил, – чего, спрашивается, было стараться? Может быть, в старые времена нюхачи рождались гораздо чаще, чем теперь? Или в ту пору вообще у всех людей было нормальное, то есть острое обоняние? Эта версия, пожалуй, объяснила бы существование несметного числа разнообразных порошков, капель и благовоний, отбивающих нюх.

Мне пришлось на собственном опыте перепробовать полдюжины и убедиться в их эффективности. Всякий раз я, во-первых, чувствовал себя как внезапно ослепший человек, даже в своем доме с трудом ориентировался. А во-вторых, отчетливо понимал, что меня выпрут из Тайного Сыска. Какой от меня теперь прок? Однако отправлять меня в отставку никто не спешил, а обоняние всякий раз благополучно возвращалось, так что понемногу этот страх утратил надо мной власть. Хотя, чего греха таить, до сих пор изредка бывают рецидивы, но просто потому, что от дурной привычки быстро не избавишься.

На фоне этих регулярных потрясений все прочие служебные неприятности и даже настоящие драмы казались мне чем-то вроде острой ташерской приправы, призванной не испортить, а лишь подчеркнуть основной вкус блюда. Я хочу сказать, больше ничего не задевало и не огорчало меня всерьез. Даже когда внезапно исчез наш начальник, сэр Джуффин Халли, все мои старшие коллеги пришли в неопишуемый ужас, а я и подыграть им толком не мог. Потому что твердо знал, что с людьми вроде нашего шефа никогда не случается ничего по-настоящему страшного, а значит, и беспокоиться не о чем. К тому же понимал, что исчезновение сэра Джуффина вряд ли может стать причиной моей отставки, и эгоистично радовался, что счастливая жизнь продолжается – с некоторыми изменениями и поправками, но когда это меня смущало.

По большому счету, я был совершенно прав, сохраняя оптимизм. Потому что в один прекрасный день мы пришли на службу и увидели, что дверь кабинета сэра Джуффина Халли приоткрыта, а сам он сидит за столом практически в обнимку с истосковавшимся буривухом Курушем. Исчез на год и вот снова появился – лично мне это показалось естественным ходом вещей. И всем остальным, наверное, тоже. Мелифаро, помню, проворчал: «И ведь не расскажет, где шлялся. Причем не потому, что великая тайна, а просто из вредности, чтобы меня разорвало от

любопытства». «И не только тебя», – добавил сэр Кофа, выразив таким образом общее отношение к событию.

Однако шеф все-таки рассказал.

Примерно через четверть часа сэр Джуффин Халли вышел в Зал Общей Работы, и я, помню, был потрясен исходившим от него запахом – смесью несовместимых ароматов хищного зверя и старого меда. Только это был какой-то неведомый хищник, да и мед явно неизвестного мне сорта; секундой позже я сообразил, что так, наверное, пахнут звери и сласти какого-то иного Мира. Это было логично – не в Кумоне же шеф целый год отсиживался, чтобы нас разыграть.

Выражение его лица я заметил позже, и оно было такое же необычное, как запах, – ликующее и одновременно мрачное. Так мог бы выглядеть человек, который только что победил сто тысяч врагов одновременно и за это приговорен к смертной казни. Это окончательно меня запутало.

Сэр Джуффин забрался с ногами на подоконник, чего прежде за ним не водилось, внимательно нас оглядел, а потом негромко, будничным тоном, каким обычно говорят о скучных, но неизбежных вещах вроде годового отчета, сообщил, что вернулся из Тихого Города и это теоретически невозможное событие случилось исключительно благодаря сэру Максусу, который, в свою очередь, был вынужден задержаться в означенном зачарованном месте на, скажем так, неопределенный срок. Добавил, что, будь его воля, он бы оставил все как есть, но его никто не спрашивал.

Мы молчали, как громом пораженные. Лично я слышал о Тихом Городе только от мамы и до сих пор считал его одной из страшных сказок, которыми в старые времена пугали малолетних орденских послушников, а теперь уже стали забывать за ненадобностью. Думал: «Значит, неведомый зверь и диковинный мед – это запахи Тихого Города? Какое странное место. Надеюсь, Максус там хотя бы интересно».

Остальные, похоже, были информированы лучше. Во всяком случае, спрашивать, что это за Тихий Город такой, никто не стал, но сэр Кофа, сердито нахмурившись, отвернулся к окну, а стена, на которую уставился сэр Шурф Лонли-Локли, пошла трещинами. Впрочем, он сам же ее и починил – позже, вечером. Глядя на них, я подумал, что дело, вероятно, плохо, но поверить в это

все равно не мог. И не смог, как ни старался. Напротив, знал совершенно точно, что все будет прекрасно – и у Макса, и у всех нас. Просто не очень скоро. Точно не в этом году и вряд ли в следующем, но будет – даже лучше, чем прежде. Понятия не имею, с чего я взял, но мне нравилось думать, что это – предчувствие.

После этого, самого короткого на моей памяти, совещания над Тайным Сыском, можно сказать, повисла черная туча. Точнее, не «над», эта грешная туча была среди нас, словно ее приняли на службу и велели круглосуточно дежурить без выходных. Строго говоря, все осталось примерно как раньше – за исключением общего настроения, которое всегда казалось мне главной наградой за службу. Если бы мне вдруг перестали выдавать огромное даже по столичным меркам жалование, я бы внимания на это не обратил – разве что любопытно стало бы, какая беда стряслась с казной Соединенного Королевства. Но энтузиазма не убавилось бы, потому что где еще, скажите на милость, вы найдете организацию, за работу в которой платят счастьем? Теперь стало немного не так, но я был не в претензии и уходить, конечно, не помышлял. Столько невероятных подарков получил авансом, лишь бы хватило времени и сил хоть как-то за них отблагодарить.

Прежде я мчался на службу, сгорая от нетерпения, как дети выходят на улицу – что за игра сегодня намечается и, самое главное, позовут ли меня? А теперь – как на знахарскую практику во время обучения в Школе Врачевателей Угуланда. То есть собирался с духом, говорил себе «надо» – и ехал. И делал, что мог, старался приносить посильную пользу и не причинять вреда: никого не трогать, не дергать, не раздражать своей беззаботностью. Не твердить же с утра до вечера, что все будет хорошо. Подобные слова в чужих устах только бесят, по крайней мере, мне неоднократно это говорили, когда я был слишком юн и неопытен, чтобы обуздывать свои благие намерения или хотя бы облекать оптимистические прогнозы в более приемлемые для окружающих формулировки.

Жизнь тем временем шла своим чередом. То и дело случались какие-то мелкие происшествия, так что без работы я не сидел, напротив, мой нюх был востребован как никогда, и хвала Магистрам. И когда незадолго до конца года сэр Джуффин Халли вдруг вызвал меня в свой кабинет, я не стал терзаться опасениями, что меня выпрут из Тайного Сыска как главного бездельника. Хотя,

как уже говорил, в первые годы ужасно этого боялся – при том что в глубине души твердо знал: такого не случится.

Странно, кстати, что подобное знание далеко не всегда отменяет страх. И ведь не я один так по-дурацки устроен.

Но в тот раз я зашел в кабинет шефа, терзаемый не страхом, а несбыточными надеждами. В голове крутилось несколько дюжин предположений, одно другого слаще. Скажу только, что одной из самых реалистических выглядела надежда на командировку в Уандук по личной просьбе Куманского халифа Цуан Афии, которому позарез потребовался хороший нюхач; можете вообразить, каковы были остальные версии.

Но я все равно не угадал.

Когда я вошел, сэр Джуффин Халли как раз набивал трубку. Обычно это означает пытку затянувшейся паузой, в ходе которой очередная жертва успевает как минимум трижды умереть от любопытства и благополучно возродиться для новых мук, но в тот раз мне повезло. Как только я закрыл за собой дверь, шеф сказал:

– Что ты побывал на Темной Стороне – это, конечно, просто замечательно. Что я тебя в свое время проглядел – довольно досадно, но закономерно. В конце концов, ты не мой ученик. Но скажи мне, ради всех Темных Магистров, кто тебя туда провел? Из наших вроде некому. Другие варианты мне в голову не приходят. Я знаю, что Сотофа дружила с твоей мамой, но поскольку ты не девчонка, она тоже вне подозрений. Не дай мне погибнуть от любопытства. Если ты не связан клятвой молчания, разумеется, – церемонно добавил он.

Боюсь, я глядел на внезапно сбрендившее начальство, распахнув рот. Знаю за собой такую дурацкую привычку. Наконец до меня начало доходить.

– Темная Сторона – это та часть города, где все шиворот-навыворот? Ну, земля прозрачная, ветер разноцветный и течет, как вода. Окна в домах темные, зато камни светятся изнутри. И небо как крышка от шкатулки – кажется, что твердое и может открыться в любой момент. Вы об этом говорите? Меня никто туда не водил, я сам забрел.

Сэр Джуффин Халли рот, конечно, не распахнул. Но и так было заметно, что он очень удивился. Глядел на меня, как Хенна порой таращится на какой-нибудь амулет эпохи Халлы Махуна. Вроде понятно, что вот он, и выглядит как положено, и экспертиза ясно показала, что настоящий, не подделка, не морок, не наваждение, а все равно не может быть, чтобы такая редкость – и вдруг оказалась в моих руках.

– Да, – наконец сказал сэр Джуффин. – Мы говорим об одном и том же месте. Но скажи на милость, почему ты решил, будто это какая-то часть города?

– Ну, потому что за пределы Ехо я совершенно точно не выезжал, – объяснил я. – Это же в самом центре, между Старым и Новым Городом. Да вы и сами знаете, если говорите, что... Или нет?

– Так, стоп, – решительно сказал шеф. – Прекращаем это безобразие, пока мы оба не рехнулись. Давай так: сперва ты просто расскажешь мне, как забрел в этот... эээ... удивительный квартал. А потом я объясню тебе, что случилось. Пока скажу только, что это хорошее событие, можешь не волноваться.

– Конечно, хорошее, – подтвердил я. – Мне там очень понравилось. Вы не представляете...

– Да нет, как раз представляю, – улыбнулся он. – Но давай, как договорились, с самого начала и по порядку.

– Вчера после обеда я наконец отыскал мастерскую, где делают глотающие кошельки, – начал я.

Чувствовал себя при этом полным идиотом. Шеф и без того знал, чем я занимался вчера, поскольку это было его задание. Глотающие кошельки – довольно остроумное изобретение и совсем новое, прежде ничего подобного, говорят, не было, даже в Эпоху Орденов, когда сорок девятая ступень Черной магии, требующаяся для изготовления этих вещиц, была доступна не отдельным выдающимся мастерам, а даже орденским послушникам, если не всем, то многим. Впрочем, возможно, им просто больше нравилось отбирать чужое добро силой, чем жульничать по мелочам?

Штука в том, что деньги и прочие ценности, положенные в глотающий кошелек, исчезают, а потом благополучно объявляются в специальном тайнике, местонахождение которого известно только создателю хитроумной вещицы. Если учесть, что большинство столичных жителей предпочитают расплачиваться с кредиторами в конце года, который как раз неумолимо приближался, время для появления глотающих кошельков было выбрано очень удачно. Ограбленные горожане побежали в полицию; к счастью, там быстро сообразили, что дела надо передавать нам, а мне удалось, перенюхав добрых три дюжины кошельков, выделить некий общий для всех запах – не самого мастера, но его мастерской. И понеслось. В смысле я понесся. Несколько дней мотался по городу, разыскивая хоть намек на этот аромат, и вчера наконец нашел, ко всеобщему удовольствию.

– Отыскал, – подтвердил сэр Джуффин. – И я на радостях отпустил тебя отдыхать. Что было дальше?

– Вы меня отпустили, и я пошел домой. Пешком, потому что мой амобилер остался возле Управления. Я подумал – чем ждать, пока служебный за мной придет, лучше прогуляюсь. Новый Город не так уж далеко, погода прекрасная...

– Ничего себе прекрасная. Холод же собачий. Самая лютая зима на моей памяти. Как будто сэр Макс с собой полсолнца уволок на сувениры.

– Ну так идти гораздо теплее, чем стоять, – объяснил я. – Еще и поэтому. К тому же в центральной части города я гуляю не очень часто, и там осталось еще много неразведанных улиц, а ходить домой новой дорогой я люблю больше всего на свете.

– Вот это я могу понять, – неожиданно согласился шеф.

– Сперва я немного заплутал, сделал крюк и вышел к бывшей резиденции Ордена Потаенной Травы, а это дальше от Нового Города, чем место моего старта. Посмеялся над собой и пошел – теперь уже в нужном направлении. Прошел буквально пару кварталов и вдруг почувал запах Макса.

– Чего? – изумленно переспросил сэр Джуффин. – Чей запах ты почувал?

– Сэра Макса. Ну, то есть мне так показалось. Вернее, не показалось, такое ни с чем не перепутаешь. Просто это, наверное, все-таки не его личный запах, а... Не знаю. Еще чего-нибудь. Прежде-то я был уверен.

– Я уже вообще ничего не понимаю. Но это не твоя вина. Ладно, продолжай.

– Я, конечно, тут же забыл обо всем на свете и пошел по этому следу. Подумал – а вдруг он уже вернулся? И, например, решил немного пожить просто так, никому не показываясь. Или, наоборот, потерял много сил и теперь валяется в чьем-то чужом саду. Все может быть, это же сэр Макс. От него чего угодно можно ожидать.

– По последнему пункту совершенно с тобой согласен. Хотя уверен, что в Echo его сейчас нет. И по-прежнему не понимаю, о каком запахе речь. Ладно, разберемся. Что дальше?

– Запах становился все сильнее. Меня разобрал азарт, что само по себе удивительно, я все-таки не Мастер Преследования, обычно мне все равно, идти по следу или нет. Тем не менее в какой-то момент я обнаружил, что уже не иду, а бегу, не разбирая дороги. Но когда запах стал так силен, будто несколько сотен сэров Максов решили сыграть со мной в кучу-малу и одновременно навалились со всех сторон, я понял, что это невозможно. Я хочу сказать, не может один человек пахнуть, заглушая все прочие запахи, включая мой собственный, – даже если совсем рядом стоит. А поблизости по-прежнему никого не было. Тогда я притормозил и огляделся. И окончательно перестал понимать, куда я попал. Ни на что не похоже! Ладно бы просто незнакомый квартал. Но там вообще все как-то иначе устроено, я уже говорил – ветер цветной, камни светятся. И нет никого – ни людей, ни даже птиц. Но это как раз неважно, потому что и так все живое: не только, скажем, деревья и дома, а и земля, и воздушные потоки, и даже твердое, как крышка шкатулки, небо. Ничего не говорят, но дышат доброжелательно, смотрят с любопытством – ясно, что с ними легко поладить. И такая радость от всего этого, а может, вовсе без причин, просто она там всегда есть, как воздух... Жалко, что я был усталый, набегался за последние дни так, что даже толком осознать происходящее сил не было. Вдруг почувствовал – еще немного, и просто под ближайшим кустом засну, а спать на улице все-таки глупо. Решил, что вернусь, когда отдохну. Лучше бы, конечно, с самого утра, на целый день, чтобы никуда не спешить. И пошел домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь о событиях, описанных в повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности».

2

Речь о событиях, описанных в повести «Гугландские топи».

3

Тем, кто причину веселья тоже не понял, имеет смысл прочитать (или перечитать) рассказ Герберта Уэллса «Дверь в стене». У Триши-то такой возможности не было.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/tuburskaya-igra>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)